

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Александр РЫТОВ

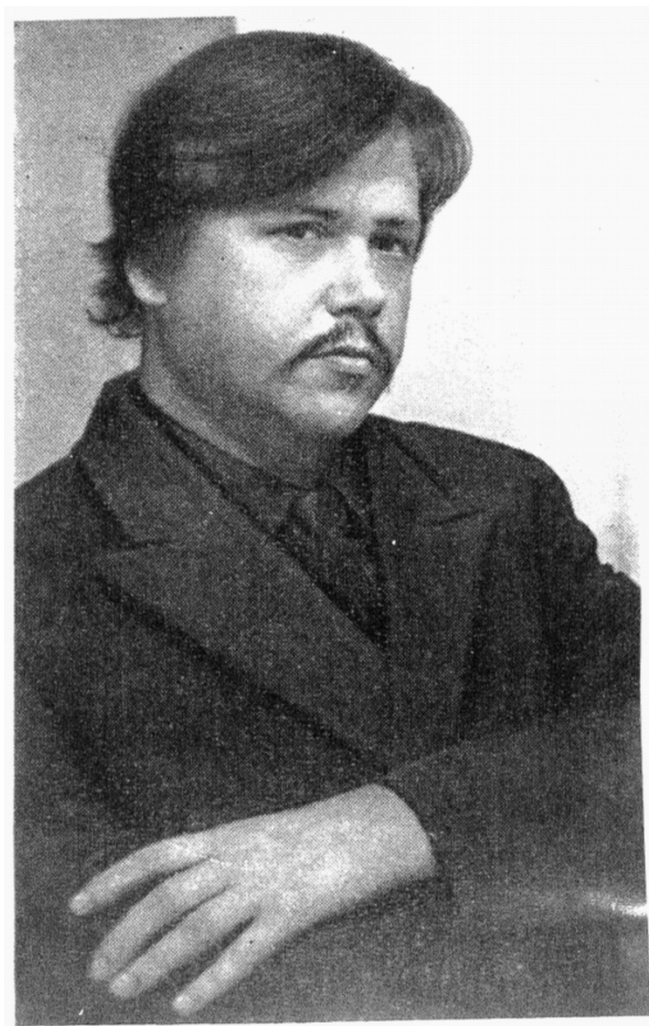
ПРОНИКНОВЕНИЕ В МОЛЧАНИЕ

Стихи
Поэмы

Санкт-Петербург

2012

(1934-1974)

ББК 84(2)-5
Р 93

Рытов, Александр

Проникновение в молчание / сост.: Н.Ю. Бубнов, М.М. Сафронова, А.Д. Сыщиков,
Л.А. Чуркина – СПб.: БАН, 2012. – ?с.

Предлагаемая читателю книга стихов Александра Рытова – дань уважения и признания одного из талантливых сотрудников БАН, который успешно занимался не только наукой, но и оставил заметный след в русской поэзии. С выходом этого сборника появилась возможность восполнить во многом непознанный поэтический мир наших уходящих в вечность бардов.

Отпечатано в ОПШ Библиотеки РАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 1,5. Тираж 100. Заказ №

«У САМОГО ПОДНОЖЬЯ БЫТИЯ...»

Для тех, кто любит русскую поэзию, 19 октября — особый день. День Пушкинского Лицея. Судьбе угодно было распорядиться так, чтобы поэт Александр Рытов родился именно 19 октября. Произошло это в Ленинграде, в 1934 году. Правда, баловнем судьбы он отнюдь не стал.

Еще дошкольником, в самом начале жизни, ему пришлось узнать, что значит слово «война». В годы блокады Рытов, слава Богу, в Ленинграде не жил — он был в эвакуации: в подмосковном селе Архангельском. Но и его не миновали ни обстрелы, ни бомбежки, ни голод, — особенно мучивший в зимнее время, ни потеря близких людей. Память о «недетском детстве» осталась с ним навсегда (хотя он подчас и хотел бы предать забвению военное лихолетье).

Законы войны и законы зимы...

.....

*Давно позабыть бы, что был на войне,
Да красный теленок маячит во мне...*

В родной город Александр Рытов вернулся в 45-м. Окончив среднюю школу, Рытов в 1952-м поступил в Московский институт международных отношений (МИМО). Правда, москвичом он пробыл недолго, всего два года — в 54-м он перевёлся на исторический факультет ЛГУ.

С марта 1958 года он стал сотрудником Библиотеки Академии наук, где проработал до самой смерти. Здесь он занимался библиографией Петербурга, что он, как историк, считал для себя большой «служебной» удачей.

Но прежде всего Александр Геннадиевич Рытов был поэтом.

В 1966 году в Лениздате вышла первая книга Александра Рытова - «Тропы». В сборник включено было всего 28 стихотворений – совсем небольшая часть созданного поэтом к тому времени. Книге было предпослано небольшое предисловие Михаила Дудина (его Рытов считал своим литературным учителем):

«У каждого поэта свой путь в поэзии, своя, не на что не похожая, тропинка в говорливом зеленом лесу Русского языка, и над каждой тропинкой свои восходы и закаты, свой щебет залетных птиц, своя жизнь, входящая каждой своей гаммой в вечно меняющуюся гармонию леса.

Александр Рытов только входит в этот лес. Он пока еще где-то на опушке, но направление его тропинки идет в глубину леса, и этой тропинке уже не повернуть обратно.

Трудно предположить, да это и незачем, на какую поляну она выведет, каким строем мысли и ритма удивит читателя в будущем, – это зависит только от самого поэта. Но то, что настрой его голоса радуется чистотой и точностью, в этом нет никакого сомнения, и мне очень хочется, услышав его песню на опушке, не упустить ее из своей души, двинуться за ней дальше в лес и услышать ее там, в глубине самого леса».

Следующая книга Александра Рытова – «Белый олень» – вышла в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в 1973 году. Увы, она стала и последней прижизненной.

3 июня 1974 года Александр Геннадиевич Рытов умер от инфаркта.

...Годы спустя Михаил Дудин завершил свое предисловие к подборке стихотворений Рытова, опубликованных в книге «Дневной свет» (1988), такими словами: *«Он очень рано ушел из жизни, но то, что написано им, живет и сейчас и тешит нас своей свежей радостью, которой нам надлежит удивляться и беречь это удивление».*

Менее чем за три месяца до смерти Александр Рытов создал поразительное (как понимаешь сейчас) стихотворение – «Воспоминание о небывшем»:

*Люблю. И снова чувствую себя
Открытым солнцу мальчиком Адамом,
Чуть голубым от утра, с гибким станом, –
У самого подножья бытия.*

*И словно из пустого забытья –
Цепь гор на горизонте первозданном,
Лиловый сад в цветенье филигранном,
Пчелиный хор и запах миндаля.*

*Но Ева... Где ты, девочка моя?..
И, смутную неловкость не тая,
Оглядываю странную поляну...*

*Ну что там в горле?! И начало дня
Утрачивает ясность хрустала...
И кровь во мне как будто ищет рану.*

Он смотрел на мир так, как и должны смотреть поэты, – словно впервые, с любовью оглядываясь вокруг, удивляясь утренней новизне всего увиденного, стараясь, подобно Адаму, «дать имя вещам».

В творчестве Александра Рытова — два полюса: Космос и Земля. Взаимодействие (притяжение-отталкивание) двух этих полюсов и породило его самобытную поэзию, его манеру письма.

Стоящий «у самого подножья бытия», Рытов способен сотворить собственное мироздание. Более того он способен описать его столь убедительно и достоверно, что читатель становится единомышленником, одиночувственником творца. Это, поверьте, дорогого стоит.

Нет ни малейшего сомнения: Александр Рытов – поэт-пантеист. В его Вселенной (как прежде у Лермонтова, у Тютчева, у Заболоцкого) природа обладает разумом и душой. Она – живая во всех своих проявлениях. И всё в ней – равновелико. А человек – только часть природы, наделенная воображением.

Для Рытова, человека, живущего в мегаполисе, приобщение к природе, слияние с ней было подлинным счастьем. Этим радостным чувством он стремился щедро поделиться с читателем.

В описаниях земного, зримого мира поэт старается быть предельно точным.

Чувствуется, что Александру Рытову доставляет удовольствие детально показать ту или иную местность, где он побывал. Российская глубинка, Прибалтика, Закавказье... Словесные пейзажи то выполнены в сдержанных тонах, то поражают буйством красок и великолепной (не навязчивой, словно бы случайной) звукописью, то таят в себе истории человеческих жизней. И, что естественно: целый ряд (замечательных!) стихотворений Александр Геннадиевич посвятил живописи и художникам.

Необычен и поэтический язык Александра Рытова. В отличие от большинства современных ему, сугубо, городских поэтов Рытов охотно использует архаизмы и областные слова. Ему, историку по образованию, хранителю «преданий старины глубокой», было важно воскресить исконно русскую речь, не позволив ей исчезнуть бесследно, и передать, любовно сбереженную, новым поколениям. Для нынешних русских такой подарок ленинградского поэта — поистине бесценен...

Практически во всех стихах Рытова неразрывно - как Земля и Космос - связаны звук и цвет, человек и пейзаж, прошлое и настоящее, быт и бытие. Он умеет мастерски соединять чувственное, детское восприятие мира со зрелыми размышлениями «ученого мужа».

Свое поэтическое мастерство Александр Рытов прекрасно показал в одной из труднейших стихотворных форм – в венке сонетов. Тех, кто дерзал в русской поэзии создать такой венок, можно буквально по пальцам пересчитать; и отнюдь не все из дерзнувших смогли одержать победу. Александр Геннадиевич в высшей степени блестяще справился с задачей, которую он же сам себе и поставил. В его «Венке сонетов» - легкость, изящество, никаких смысловых натяжек. Ни капли литературного пота. И только одному ему было известно, сколько усилий затратил он для того, чтобы добиться естественности звучания стиха – при неукоснительном соблюдении сонетной формы.

Вот пятнадцатый сонет – магистрал, завершающий весь цикл, составленный, как и полагается, из первых строк предшествующих ему сонетов:

*Как Вы прекрасны были, Вы поймете
Не сразу, не теперь, когда-нибудь.
Позвольте мне тогда на вас взглянуть
Из книжки в камышовом переплете,*

*Из бережной озерной глубины
Моих стихов, Вам посвященных прежде.
Разгладится рябь строк – и лоб пробрезжит,
И губы, что не мне посвящены.*

*Я стану Вашим зеркалом тогда.
В холодной синеве пройдут года
И отдадут Вам всё, чем Вы владели:*

*Глаз тишину, достойную молвы,
И гордую посадку головы,
И замкнутую бледность асфодели.*

Рытов – и наивный ребенок, и влюбленный юноша, и убеленный сединами мудрец. Собственно, это и означает: он – поэт.

У каждого поэта есть стихи случайные (они бывают даже совершенно замечательными, но их мог бы написать и кто-либо другой) и «ударные» (их мог написать только он, *не мог не написать*, поскольку они выражают сокровенную сущность данного поэта, его мировидение). Чрезвычайно характерно для всего творчества Александра Геннадиевича Рытова стихотворение «Ворваться в космос – неизбежность!..», опубликованное еще в сборнике «Тропы»:

*Ворваться в космос — неизбежность!
Мы ждем, готовые к броску.
Но кто измерит нашу нежность
И нашу спящую тоску.*

*По придорожным хрупким вербам,
Купавкам, солнцем налитым?
Но кто измерит нашу верность
Гвоздикам — звездам полевым,*

*Сиянью месяца за стогом,
Под крышей спящему стрижу,
Бегающему через дорогу
От страха храброму ежу?*

*Кто нам людей во тьме заменит?
Что мы почувствуем вдали,
Когда на смену всех затмений
Придет затмение... Земли?!*

Здесь – то взаимодействие двух полюсов, о которых уже было сказано ранее. То притяжение-отталкивание, которое создает «высокое напряжение» стиха (строки — провода электролинии) и которое, в конце концов, определяет несомненную оригинальность поэзии Александра Рытова, его место в русской литературе третьей четверти XX столетия. Не в обиду будь сказано другим, но, честное слово, далеко не каждому поэту удастся в шестнадцати строках дать целостную картину мира, при этом столь тщательно прорабатывая каждую мельчайшую деталь, – так, как это сделал Рытов.

Однажды, в горестную для себя минуту, Александр Геннадиевич Рытов написал такое четверостишие:

*В больничной ограниченной тиши
Я слушал только колокол души.
В нем лес зверел. В нем плакала вода...
Так жил ли я на свете и когда?!*

Когда и где конкретно проживал человек по имени Александр Рытов — мы знаем. А поэт Александр Рытов жил в разные эпохи, в разных частях Земли и Вселенной, под разными именами. Он не просто жил – он был творцом и сумел оставить в русской поэзии след, стереть который время уже не властно. Надеемся, что читатель этой книги согласится с нами.

И еще несколько слов – непосредственно о данном сборнике. Он состоит из четырех разделов. Первый и второй разделы – это, соответственно, книги «Тропы» и «Белый олень». В третий раздел включена часть стихов из книги «Дневной свет», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в 1988 году. В сборнике «Дневной свет» опубликованы стихи трех ленинградских поэтов: Александра Андреева, Игоря Нерцева и Александра Рытова. Подборка стихотворений Александра Рытова в этой книге носит название «Белый олень» и состоит из двух частей. В первую из них включена (частично) книга Рытова 1973 года. Во вторую – стихи, большинство которых прежде нигде не публиковались.

В основе четвертого раздела – книга стихотворений и поэм Рытова «Гостеприимство», составленная и подготовленная к печати ленинградским поэтом Александром Шевелевым в 1982 году. К сожалению, сборник «Гостеприимство» так и не был опубликован. В нашем издании он дополнен стихотворениями, которые сохранились у сотрудников Библиотеки

Академии наук: Тамары Башкировой, Людмилы Чуркиной, Александра Сыщикова. Выражаем им глубокую признательность.

В данном издании сохранена авторская пунктуация. В ряде случаев приводится дата написания того или иного стихотворения (если таковая имеется в рукописи).

ТРОПЫ

Фундамент

Здесь был когда-то двор гостиный,
Построенный в голландском стиле.
Купчишки поутру крестились
И открывали магазины.

Чинили мелкие обманы,
И иногда, по вдохновенью,
Гостям приезжим иностранным
В пеньке для весу шли каменья.

Тот двор сгорел свечою сальной –
Сказалось здесь винцо, пожалуй, –
Как пишут, стройностью ансамблей
Обязан город наш пожарам!

Прошли столетия рядами
И стерли профили с медалей,
А мы и не подозревали,
Что под ногами был фундамент.

Мы строим дом: долой бульжник!
Взрывает землю экскаватор.
И вдруг открылся кладкой рыжей
Фундамент старый, простоватый.

Полгода мы его рубили,
Зимой, электромолотками, –
А кирпичи-то – как рубины,
Как будто кровь в них молодая!

Пришлось взрывать! – и то частично,
И то, по правде, было жалко.
И перед предками публично
Хотелось снять по-русски шапку.

Как кирпичи-то обжигали,
И строили и голодали...
Снять шапки перед мужиками

С всклокоченными бородами!..

Повисла пыль завесой бурой,
Подруливают пятитонки,
Мы замесили арматуру
С тяжелым, вяжущим бетоном.

Мы строим дом. И ноют плечи,
И далеко еще до смены.
Не знаю, выдержат ли стены,
А вот фундамент будет вечен.

Новый невский мост

Я прихожу глазеть на лед.
Я любопытен без кокетства:
Войной затоптанное детство
Во мне на пенсии живет.
Я прихожу глазеть на зиму,
На профиль города во мгле,
На два танцующих буксира
На застывающей волне,
На кран, негаданно двуногий,
На край опалубки за ним –
Вобрать тревожный запах стройки,
Почти что хвойный запах стойкий
Опилек, гари и зари...

Кряхтя и хрюкая, товарный
Пройдет вдоль улицы Амбарной,
Как лет с полсотни проходил.
А на пруду в избытке сил,
Познав с пеленок жизни тайну,
Пять свитеров гоняют шайбу
Среди растерянных могил.
Направо – шахта метростроя.
Напротив – здание пустое,
Как подагрический нарост.
За ним, у Лавры, бабий хвост –
Лицо – одно на всех, босое –
Старухи кажут на мороз.

Валит старушечья пехота –
Не просто "пехтура", а мото –
В троллейбус тело и душа!
И, чтя прекрасные примеры,
Встают не только пионеры –
С обедни бабушки спешат.
Вот жили весело, должно быть!
Теперь Христос им подал счет:
Грехов – дремучие сугробы,

А между ними гололед.
И слышат бабки: "Суд идет!.."

Нет, я не злюсь на этот вечер.
Нет, я хватил не чересчур.
Я разделил бы страх увечных,
Но не терплю умильных дур,
И старость их не уважаю.
Их вера для меня – чужая.
И всех пророков – в желтый дом.
Пока нам женщины рожают,
Мы будем жить. Мы не умрем!..

Пусть голубое половодье
Асфальта
Хлынет на пустырь
И прочь отступят колокольни,
Здрав подолы и кресты...

Мы не умрем. Наш вызов дерзкий –
В бетоне. Крепче всяких слов.
И это ты, мой самый не в с к и й ,
Летучий самый из мостов!
Я ждал тебя. И ты проснулся.
Напрягся весь. Ломают тишь
Удары каменного пульса.
И скоро: старт! И полетишь...
Как эхо нашего напева,
Лети – столетья ждут тебя.
Свяжи сегодняшнее небо
И небо завтрашнего дня.

Квартал № 40

Как много неба в этом городе!
От белых стен плывет сияние.
И, в тишину закинув хоботы,
Шагают краны-марсиане.

А человек на синем фоне дня
Взмахнул руками, и в окрестность
Влилась, как зарево, симфония
Медноголосого оркестра.

И звуки ввысь метнулись стаями,
И стали зримыми! – И встали
Плечом к плечу панели здания –
Морозно-белые кристаллы.

Здесь обновляется Вселенная.
Здесь, опытом пренебрегая,

Младенцы-окна в удивлении
Глядят на солнце не мигая.

Я не смотрел на Землю с Фобоса
И не был даже в стратосфере.
Я Землю здесь, а не из космоса
Планетой чувствую.
И верю!

Крестовский остров

Н.Н. Васильеву

Пойдем, подышим на Крестовском,
Побудет город и без нас.
Пусть тающим зеленым воском
На плечи капает весна,
И птицы горло промывают
В какой-то простенькой мечте,
И дождевой червяк трамвая
Повис, качаясь на крючке.
Там, балансируя, как пламя,
Кусая леденцовый лед,
Сквозь поредевшее сознание
К нам в души медленно войдет
Такая тишина! – такая,
Что будет слышен смех травы...
Забравшись на скамью с ногами,
Мы поплывем: дрожат стволы,
И воздух влажными кусками,
И солнце бьется, как блесна
Над поминальными кострами,
Где тлеет старая листва.

Мосты

Мосты по-своему – живые:
Они здоровы и больны.
Но как тела напряжены их!
Как все их мускулы стальные!

И смутно хочется поверить,
Когда идешь на берег тот,
Залатанный огнями берег,
Что он не плачет, а цветет.

И отсвет на воде – латунный.
И ночь – как медная гора.
К планете той, зеленолунной,
Тебя выносит мост-корабль.

Спокойный, каменный, – как эпос.
Трепещущий: в урочный час
Он погружает крылья в небо
И отдыхает, как Атлас.

Он – слепок с выстрела. Сам выстрел,
Перечеркнувший пустоту!..
Мосты, рождающие мысли
У человека на мосту.

Дядя Петя, с утра унылый,
Кнут ременный зажав в руке,
Разговаривает с кобылой
На понятном ей языке.

А заря, не жалея красок,
Голубит жеребенку бок,
И кобыла косится глазом:
"Что он хочет от нас, сынок?"

Выгибая тугую спину,
Разъезжаясь ногами вдруг,
Потянула в сырую глину
Неспокойно блестящий плуг.

А за ними, чертя мотыгами,
Мы идем, борозду деля,
Если честно вот так попрыгать,
Будет ночью снится земля.

Прозревает она картошкой,
Обретает свой трудный смысл –
Схожа с роженицей немножко, –
Ведь "младенец" и гол и лыс...

Голова у нее кружится:
Разбери-ка на "сорт" – "не сорт"!
Вот уж тело потом пружинит.
Только это совсем не спорт...

Ну, а после-то что же, после?
Мы погрузим ее в вагон –
И рассыпалась по авоськам,
И понес ее кто-то в дом.

Не ясно, по какой причине
Мотор комбайна задурил.
С небрежной грацией мужчины
Уланов Васька закурил.

На торсе мускулы лепные
И под тельняшкою видны.
За ухом веточка рябины,
А может быть и бузины.

Где Васька, там не нужен трактор:
Он может стог – один сметать!
И мне бы не хотелось в драку
С таким вот идолом вступать.

Он плюнет медленно сквозь зубы,
И я почти осознаю:
Как отдыхающий Везувий,
Он курит "Звездочку" свою.

Он дорожит и нашим мнением –
И эта мелочь – тоже цель, –
Великодушное презрение
Храня на бронзовом лице.

А женщины:
– Эй, Вася, Вася!
Подвинься, черт! Послушай, Вась!
Да подари кусочек счастья:
Не грех бы было и украсть!

И он готов одной признаться.
При всех. К чему раздумий гнет?
– Ты, черная, придешь купаться? –
Та огрызнется и... придет.

Ночь

Луна-купавка в озеро упала,
И по воде, доступны и близки,
В ленивой мгле молочного опала
Плывут ее живые лепестки.

И на весле, чертящем воздух русский
Широкою и медленной дугой,
Блеснули лунно камешками бусы,
Надетые зеленою рукой.

А на песке, холодном и лиловом,
Линованном для нот и чуждом сну,
Тростник, вобравший тысячи мелодий,

Карелия

В Карелии озерной, мелколиственной,
Где шишки колются под босыми ногами, –
Пришла Любовь, нежданная, как истина,
Огромная, пугающе нагая.

За прошлое пришлось ли ей наверстывать?
Или за будущее кто ее потребовал?
Но только на груди горела звездами,
Когда на небе звезд карельских не было.

Под тучами болезненно-плаксивыми,
Под взглядами косыми солнца Севера
Пришла Она – бессовестно красивая,
Зажав в губах цветок пушистый клевера.

Пловец

Сыну моему, Ярославу

Я – пловец. Я о море тоскую.
Море бродит во мне и сопит.
Я – тритон. Я пью воду морскую,
Если очень захочется пить.

Я давно и наверное знаю –
Не минутная зыбкая грусть:
Уплыву за дельфиньей стаей
И уже никогда не вернусь.

Затону, не трусливый, не храбрый,
Но пока не рассеется прах,
Пусть меня исповедуют крабы
В занесенных песком городах.

Не из тех я, которые молят,
И не жертвой мой лоб осиян!..
Пусть мой сын не пугается моря.
Пусть отцом назовет Океан.

Зеленая месса

Граница волны и заката.
В глазницах колыхается медь.
И цвет христианского ада –
Мятущейся памяти мечь.

Багровое небо – как парус.

В дыму отлетающих брызг
Борт-берег. И скалятся скалы –
Разбойники, пьяные вдрызг.

Скала. Всё острее и выше.
Плоть неба рвет жадно и зло.
Когда же пришло это: выжить! –
Ведь ноги до крика свело,

И жаждали жадные скалы,
И ждал меня пьяный фрегат,
А голод, и страх, и усталость
Готовились душу предать...

И бросил я ласты и маску
На гребнях стеклянных борозд,
И медленно, медленно брассом
За красным закатом пополз.

Я полз вдоль границы. Оглохший,
Зеленой давясь тишиной.
Чужая холодная кожа
Горела на мне чешуей.

Как это? – один, одинокий...
Враг моря – брат моря в душе...
Спасайте, свинцовые ноги, –
Ведь это не трусость уже...

Мне лестно, что трусам нет места
На дикой, гривастой волне,
Что эта зеленая месса
Сегодня была не по мне...

...И чуть пристыженный и глупый:
Другая внутри тишина.
И, плача, какие-то фрукты
Мне в руки совала жена.

Перевал

За перевалом – перевал,
А между ними – седловина.
Я рот, как Чаплин, разевал,
Глотая метры "серпантина".

И зной, как бесконечный вздох,
И рыжий мир, им опаленный, –
Лишь пот был свежий, как горох
В консервной нежности зеленой.

Так здравствуй Судак! – мы входим,
Все силы отдав за миг –
У ног твоих сбросить полдень,
Набившийся в рюкзаки.

Колонка, маяк всех странствий,
Нам снилась твоя капель.
Развьюченным оборванцам
Налей ледяной коктейль.

Пусть солнца в ладонях наших
Плывет золотой двойник.
Мы выпьем за тех, кто жаждал,
А в сердце носил родник!

Питьевой фонтанчик

Весь город – цвета старой бронзы.
Ведь есть такие города!
Здесь в вазах, раскаленных солнцем,
Растет холодная вода.

Где белый зной не вестник бури,
Где горы словно миражи,
Фонтан, вобравший жажду улиц, –
Из камня хлещущая жизнь!

И кто он, мастер из народа,
Мудрейший в скромности своей,
Чьи руки выдумали... воду,
Чье имя пьем мы вместе с ней?

Я вспоминаю про "Самсона"
С его величием седым,
Так необдуманно босого
Под нашим небом ледяным.

А ты, дарящий щедрым жестом
Малыш, ты знаешь, чем силен? –
Ты позолотой совершенства
От нас, людей, не отделен.

Тукум

А дюны – как губы.
Откосы – как дёсны.
Вот губы надулись
И выдули сосны.
И сосны стеклянно звенели ночами
Над розовым дымом костров иван-чая.

Ты, Литва, свое верни:
Все холмы круг
оголовые
С жестким ежиком стерни,

Редко – с чубчиками-рощами,
Все брусничные лари
Да высокие обочины
В красной поросли зари.

Валерик

Есть в Белоруссии селение Мокраны.
Там солнечные дни неярки и робки.
У рейсовых такси босые мальчуганы
Под кровлей черных лип меняют коробки.

И воют комары, огромные, как звери,
И сладко убивать и в счет вносить нули!..
Не двигаясь, стоял искусанный Валерик,
Почтительно следя, как злобно я курил.

Я чувствовал: съедят! Я чувствовал всей кожей.
Лодыжки, губы, лоб – чувствительней всего.
А мальчик замирал... Так дьявола тревожишь,
Не ведая ничуть богатства своего.

Как ров зиял асфальт. Шел мальчик по канату,
По зыбкому лучу над бездной, на весу,
Весь бел и рус и тих, лишь клюквина заката
Внезапно разлилась по круглому лицу...

Не кланчил и не ныл. Он сам с собой боролся.
По росту боязлив, по росту прям и смел,
Но кто-то прорастил в нем семя благородства –
И быть уже другим он просто не умел.

Я вытряхнул рюкзак и... душу напоследок.
Коллекция росла! Но мой запас иссяк.
Свернулись в червяков пять новых этикеток
(У Петьки – тяжкий вздох, – их было пятьдесят!).

Он дал мне коробок под спички – вот что важно!
Когда же грузовик нас всё-таки повез,
Я с кузова смотрел: над лесом, низким, влажным,
Друг в ляпочках махал... и рос, и рос...

И рос!

Улица Шопена

Во Львове улица Шопена,
Не улица, а тупичок.
И тишина там совершенна –
Струной ложится на смычок.

И клохчет курица в подвале,
А ветер, как ему взбредет,
То цветом липовым завалит,
То сушит яркое белье.

На "шпильках" – тучка шагом дробным,
Капроном бережно хрустя...
Тугие лебеди-балконы
По-лебединому – в гостях.

В окне вдоль стен крадется мебель,
Лак покрывает чей-то жир...
А *он* в гостях здесь даже не был,
Не говоря о том, что жил!

Но льется плющ так незнакомо,
Врезая в камень тень свою.
И я, как памятник *другому*,
Немного мраморный стою.

Ночлег под Стрыем

Ночевали под стогом возле старого города Стрия.
В головах топоры – в утешенье былых небылиц.
А вдали, у товарной, расправляя белесые крылья,
Стаи дыма взмывали и тщились достать до зарниц.

Мы на звезды дышали. Мы с небом глазастым дружили.
Засыпали с Землей, крепко-крепко ее обхватив.
И над нами всю ночь две медведицы мягко кружили,
И ревели и пели на какой-то мохнатый мотив,

И склонялись над нами, затеня сырими дымами,
И лизали нам щеки и влажные шубы трясли...
И тогда мы проснулись и стояли по пояс в тумане,
И мерцала луна сединой черно-бурой лисы...

...Снились нам города. И запомнились профили кровель,
Пятна рыжих афиш, перекрестки воскресные, вдруг –
Словно тихое чудо – пантомимы немых колоколен
За рядами траншей, ожидающих газовых труб.

Мимо парков и касс, мимо смуглых и душных каштанов,
По горящим следам, что оставили дождь и закат,
Мы спешили к асфальту, и с ним – за последний шлагбаум,
Где по сумеркам бродят и шумно вздыхают стога.

Старик из Мукачева

Сбегаются тропы-морщины
К усталому берегу глаз...
Старик, продающий кувшины,
Беспомощно смотрит на нас.

Белесыми складками дышит
Сутулый бессрочный пиджак,
И шляпа, как темная крыша,
И в тулье заштопан "чердак".

Он всё отдает, не торгуясь,
К прохожим не липнет, как вар,
И вытянул шею по-гусьи
Его развеселый товар.

Здесь кружки – не кружки как будто,
Здесь крынки – глазурная быль.
Побил их старик на попутной,
Еще до базара побил.

С осколков нежданного цвета,
С округлых замазанных щек
То брызнет зеленое лето,
То желтой стерней обожжет.

Не видеть им сытного пива.
Не знать никогда молока!
...Над теплым покоем лениво,
Как пенки, плывут облака

И пахнут чертовски... И позже
На узкой тропинке души
Я понял – все было дороже
Той меди, что дал за кувшин.

Археологи

Мы жизнь продлили на тысячу лет.
Прочитали клинопись стел.
Мы открыли героев одетых в медь,
А меж ребер их – клинья стрел.

Мы жизнь продлили за белый ледник,
Что полз на юго-восток, –
И стали на миг, на краткий миг
Ровесниками костров.

Пепел холодный – это беда!
Пламя – живых судьба.
И сердце кедра горит всегда.
И первым был бог Тепла.

Время обтесанных грубо рубил
В обсидиановой тьме,
Где в испуге на стенке олень затрубил
Прежде, чем понял, – смерть!..

Первый олень и первый огонь –
В наше время ракет? Нет:
Первый чертеж над первой золой –
Будущего макет!

Сердоликовые бусы

Он строил город, смуглый ратник,
А по ночам бродил один.
Он к ней забрел на виноградник,
И после – часто приходил...

А внешность мира – та же внешность:
Луна дымит, как головня,
И ночи карие – как нежность,
Как губы мягкие коня.

Он ей оставил только имя
И память вязкую как мед...
Все дочери Тейшебаини
Искали милого ее.

И был он царь Биайни – Руса!
Она пряла до смерти шерсть...

Мы сердоликовые бусы
Нашли в квадрате двадцать шесть.

Между собакой и волком

Когда закат бьет красную тревогу
И кони ржут в предчувствии волков,
Когда поют цветы чертополоха
На языке замученных волхвов, –
Войди в их мир, проникни в это пенье,
В лепные запахи, в степные миражи,
В волнение их, – проникнись их волнением,
Насторожись...

На грани дня и ночи,

Когда душе открыты души трав
Мятущиеся, и трава на ощупь
Мокра, и душный вереск душит страх,
Когда восток приливом подступает
И в хор врастают синие басы, –
Замри в траве! – и слушай, не стирая
Для всех один холодный пот росы...
Стань смутным бликом в сумраке размытом,
Не вскрикни, прикуси опасный вскрик,
Когда из глыбы жаркого гранита
Не главный бог, а только Полевик
Возникнет...

Ветер вдруг заплещет
Свисающими гривами, а Он –
Чернобородый, грузный, крутоплечий,
С глазами, погружающими в сон,
Косящими, с глубокими белками,
Где эхом пенья дыбящихся трав
Неистовствует бронзовое пламя
Войны Начал – цветений и утрат...
Мужицкий бог,
Я чту твои заботы,
Я чту твои извечные пути!
О добрый господин седьмого пота,
Как долго за тобою нам идти?!
Усталый бог заплеванных мозолей,
Непрошенной, непризрачной беды, –
Закатное малиновое поле
Тебе воздаст за тяжкие труды!..
Я вижу, как Он бродит за порогом
Реального, я слышу – степь поет,
И в ночь врываю, становясь намеком
На здешнее присутствие свое.

Но мыслю я и каменно и остро,
И мною в эти ночи не забыт
Ни стригунка кровоточащий остов,
Ни серый вопль под яростью копыт.
Я помню о костре, о теплых псах,
Клыкастых и доверчиво-кудлатых, –
И мысль во мне перерастает страх,
Не разрушая таинства заката.
Я – равновесие и будущий побег,
Ведь я зерно, набухшее, благое.
Мы встретимся, Земля! Во мне кричит:
"Я – человек!"
И я почти спокоен...
Почти.

Французская живопись

Перед картиной Пабло Пикассо
"Любительница абсента"

Руки переплелись.
Худые, колкие пальцы.
Они, наверное, дрожат –
Догадаться не стоит труда.
Странно, отчего люди
Раньше времени старятся?..
Желтая глина лица.
Черная складка рта.

"Любительница" абсента! –
Кокетливо, даже игриво...
Сколько прошло, не моргнув, Мимо чужой судьбы!
А здесь
На стене
Висит *крик*
Летящего вниз
С обрыва!..
Сначала – нельзя отойти,
Потом – невозможно забыть.

Фламандская живопись

Старинных кабачков цветная толстогубость,
На тяжести столов сочащаяся снедь.
Задообразных лиц проверенная тупость,
Глаз олово, носов блестящих медь.

Мужчины – бюргеры, солдаты, финансисты,
Живые флюгера – ост-индские купцы:
Под пеной валансьенского батиста
Не руки, а точнейшие весы.

Их женщины с ухватками молочниц –
Охалки свежести, корзины пряных дынь.
Их яркая, веселая порочность
Доступна только очень молодым.

Родительскому хору дети вторят –
Круглы, как фрукты, вдоль и поперек.
Орущее, целующее море.
Ну хоть бы кто желудок поберег!

Под небом дремлющим чувств диких бездорожье,
Рога взрывают тишину лесов:
– Ату! Живи! Да здравствует здоровье! –
Дрожит листва от лая гончих псов...

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

14 декабря 1825 года

Я ведь был уже, а вы меня не знали,
Было мне и двадцать, и семнадцать,
Вот стою я, как в огромном зале,
На пустынной площади Сенатской.

Той Сенатской, не смиренной сквером,
Где во мглу за уходящим годом
Скачет Петр – всегда и вечно первый,
Почерневший в битвах и заботах.

И в глазах тяжелых, воспаленных
Та же гордость – сына и тирана.
И не снег за ним, а батальоны
Седоусых нарвских ветеранов.

Я слежу за тем, как зарудеет
Кромка неба и объявит утро.
В декабре вставать еще труднее,
Чем в октябрьский предрассветный сумрак.

Я смотрю, как маленькая пристань
Колкой хвоей холода искрится...
Я – потомок русских декабристов.
Я ведь с ними тоже шел на приступ.

Помнишь, Всадник, о каре московцев?
Помнишь, как валились гренадеры?..
Как седое медленное солнце
От картечи вовсе оробело,

Скорбно распустило тучи-космы,
В сторону косило виновато?
Помнишь ли рябое, как от оспы,
Смятое свинцом лицо Сената?..

В памяти проклятой, не сгорая,
Сумерки, пропитанные кровью...
Помнишь на Дворцовой Николая?
Зло бывает молодым и стройным,

Зло бывает белокурым, бравым,
Отдает приказы крепким басом,
Скачет Зло к Сенатской по бульвару,
Выше перьев и крылатых касок.

Он всю жизнь проскачет без шинели,

А умрет он под шинелью скромно.
На спартанской узенькой постели, –
Доведя Россию до разгрома...

Что ж ты не стреляешь Якубович,
В рыжеватость будущих залысин?!
Капля стоит моря теплой крови!
Пусть услышат самый добрый выстрел!

Что ж ты медлишь? Поздно будет! Горько!
Целься! Целься ниже эполета.
Он еще "высочество" – и только.
Он еще не царь – и знает это.

Вот барьер. Тебе ли зазеваться?
Так не медли: медлить преступленье!
Он еще боится на Сенатской.
На Сенной он крикнет: "На колени!"

Пуще ига злой ордынской лавы
Порождение собственных опричных:
Наша слава – царь то православный!
Наш позор, что кнут его привычен.

...Император, он возьмет нас порознь,
В торжестве его не будет праздных,
Потому что он научит ползать,
Потому что он отнимет разум!..

Льется сердце. Льется талым снегом.
Задыхаюсь ветром, старым ветром!..
Почему ты, Родина, от века
Мачехой бывала самым верным?..

От Конногвардейского манежа,
От Дворцовой – пики, шашки, каски...
Неужели, Родина, как прежде,
Ты допустишь утро нашей казни?..

Якубович! Пляшут барабаны.
Наших братьев к исповеди будят!
Так убей – от этой черной раны
Ни черта в России не убудет...

Были бы железные дороги,
Корпус инженеров, лучших в мире, –
Только б никого не заporоли.
Только бы никто не сгнил в Сибири.

Были бы уральские заводы –
Только бы до них не на телеге,

Только бы отеческой заботой
Не извел нас грамотный фельдъегерь.

Были бы... Все будет только благом.
Образами в косности упрямых!
Только бы поэты к свежим плахам
Не несли голов своих кудрявых,

Душ своих при жизни не сжигали,
На часах под ранцем не мертвели,
В камне, за бессонными штыками,
Не сидели
и не каменели...

Так ссади его на волчьей рыси.
Так всади ему меж глаз насытых!
Так сними его, чтоб он не вызрел!
Раздавите гадину копыта!

Ждут солдаты-смертники, ждут жадно
Зипуны и чуйки у пленниц,
Я, почти ослепнувший от жажды
Этой капли, этого паденья!

На Дворцовом мосту

По реке стаи льдин вдоль гранита плывут и плывут.
Легкий перистый лед прижимается к розовым глыбам
И скользит и скользит, ломким звоном наполнив Неву,
И слепит хрусталем, улыбаясь и чайкам и рыбам.

Мы летим на мосту, на парящем Дворцовом мосту.
Тихо ветер свистит, как мальчишка худой, голенастый.
И того и гляди фонари в синеву прорастут
Любопытной листвой – только в крепости грянет двенадцать.

Теплоходик бежит, под мостами водой шелестя,
Спотыкаясь, спеша, на бегу отражение роняя.
Как тяжелые теплые-теплые капли дождя,
На асфальт из окна вдруг упали аккорды рояля.

Водопад колоннад обрывается с Зимнего вниз,
И втекают в Неву по-гренландски седые колонны,
И выносит залив мимо наших и финских границ
На далекие отмели их ледяные короны.

Аркадию Басаргину, комиссару

Он умирал в траве паленой,
Он землю гладил и кромсал, –

Мой дядя – старший батальонный,
Мой самый первый комиссар.

Неполных два квадратных метра
Осевших глинистых борозд
Он закрывал собою щедро –
Насколько мог позволить рост.

Его закат кровавил почву.
Потом все вымыло дождем.
(Мы в это время ждали почту.
И до сих пор, наверно, ждем...)

Потом, вобрав цвет бурых пятен,
Весной там вырос краснотал...
Но никогда на эти пяди
Сапог немецкий не ступал!

Ты даже мертвый, распростертый
На дымных траурных ветрах,
Им был страшнее самолета –
Со звездами на рукавах...

Я не ищу тебя в траншеях,
Не ворошу ночной золы:
Ты не проигрывал сражений –
И не сожжен, и не зарыт!

Я смыслу здравому не внемлю:
По мне – ни бронза, ни гранит
Не возвестят ушедшим в землю,
Что наша память честь хранит.

Иная вечность сдавит горло,
Иной покой утешит вас...

Да не прожить мне тихо, подло,
Не оскудеть в мой день и час...

Служу я небесному стягу,
И стяг тот широк и высок.
Но время прикажет, и лягу
Под желтый тяжелый песок.

Сквозь то, что моей было грудью,
Пробьются побеги, как дым.
Апрельские талые прутья
Наполнятся сердцем моим.

И сердце расскажет вам сагу
С повтором коротеньких строк:
Служите небесному стягу,
Любите прибрежный песок.

Кому-то восемнадцать лет,
Кому-то двадцать два,
Кому-то кто-то говорил
Вечерние слова...

А ветер пел о том, о сем,
А снег летел, летел,
У чьих-то очень теплых губ
Он таял и редел...

Мы все в один хороший час
Бываем прощены,
И сердце заполняет боль
Блаженной тишины.

Ушел трамвай последний в парк –
И кто-то не успел,
Зачем-то рассмеялся вслед,
А снег летел, летел...

Кому-то дворник открывал
Сегодня ночью дверь,
Кому-то жаловаться стал:
"Погода – лютый зверь!"

И слышал дворник, как во сне,
Таинственный ответ:
"Не снег летит, летит не снег –
Черемуховый цвет!"

Как с гор ручей,
В душе моей
Моя любовь чиста.
Бежал я к ней
Немало дней.
И вот – не опоздал!

Как важно вовремя сказать
Вечерние слова,
Когда ей восемнадцать лет,
Тебе – лишь двадцать два!

Во тьме мироздания светлея
В глуши галактических карт
Планету по имени Гея
Любил астероид Икар.

Спокойно, без смеха и плача,
Ждала она брачных гонцов,
В зеленые кудри не пряча
Свое золотое лицо.

Цветочным июльским дурманом
Звала через черную тьму,
Дарила глаза-океаны
И смуглые горы ему.

А он за летучей невестой
Стремился стремительней стрел.
Нагнал ее где-то над бездной.
Пропал. Задохнулся. Сгорел...

Но умер он, участью гордый!..
Кто это не видел вчера,
Смотрите, как падает мертвой
Настигшая матку пчела.

Дух сирени

1

Ко мне на плечи хлынула сирень.
Как страсть твоя полночная угрюма!
И оттого она еще сильней,
Что я ее нечаянно придумал!
В созвездиях мерцающих твоих,
Бессонных, осязаемо-упругих,
Звучат цвета, как будто струны их
Перебирают маленькие руки.
Тяжелая, пахучая волна,
Дарящая неистово и щедро,
Окутала плотнее полотна –
И убежать хотелось бы, но тщетно...
Таинственная женщина моя,
Твое лицо земное не пропало,
Каким желаньем душу напоят
Лиловых глаз лиловые провалы,
Твоя метафорическая статья!..
Но где они, и как они зовутся –
Та воля, что не даст тебя измять,
Та сила, что не даст мне задохнуться?!

Проходит час, не знающий стыда,
И манит душу: выйди, босоножка!..
Ночного неба пылкая вода,
И в ней блестит серебряная ложка.
Отведай яств на скатерти равнин,
Светящейся спокойным, чистым светом,
Знакомый сад – неведом, а над ним
Дымит сирень и запахом и цветом.
Податлива ее голубизна.
Воздушна глазированная сдоба.
Крыльцо. С крыльца сойди. Иного сна
Вкуси, иного жара и озноба
От лиственной слоеной черноты,
От влажного луны прикосновенья,
От чувства, воплотившего черты
Весеннего земного тяготенья.
Ты хочешь знать... Сирень, и май, и высь
С расширенными смутными зрачками...
Как нежно и как властно входит жизнь
Упругими короткими толчками.

Зачем у городов мужские имена?
Ведь город женственен и так же изначален,
Как эта тишина из белого вина,
Как эти купола июньскими ночами.

Короткий чуткий сон задернутых гардин,
Полночная заря, скользящая по берегу,
Где талые дома сливаются в один,
Где небо, как сирень, опущенная в реку.

Купальская краса – и в силе и в красе.
Ты папоротник взял – и клад уже известен,
Когда твоя душа, вся в утренней росе,
Займется от любви и воробьиных песен.

Вы не остались только именем
В дорожной книжке записной.
Я знаю – вы живете в Киеве...
А я живу в стране лесной.

Здесь сосны, словно с неба падают,
Когда лежишь и смотришь на небо.
Горят их головы косматые

Холодным и тревожным пламенем.

Воронки. Лес, войной израненный.
Окопы в тишине нечаянной.
И наш карьер теснится гранями –
Боками смуглыми, песчаными.

И вспоминаю я Аркадию,
И скалы с выцветшими кронами,
И небо – синими аркадами,
И вас, давно-давно знакомую.

Над нами девочка с кошелкою,
С водой и желтыми початками,
И голос детский нитью шелковой
Дрожит под солнечной печаткою.

Вы пели мне, и вот запомнилось:
Барашки, ветер хворостиною,
И берег – не людьми заполненный,
А золотыми апельсинами.

Плоды, деревья, семена,
Травы вечерней седина,
Мы вас назвали неудачно.
Скажите ваши имена
В их первозвучье многозначном.

Чтоб в звуках отразилась медь
Лесного меда, запах сонный,
И семени подснежный свет,
И зной, и солнечные соты,
И не пугающая смерть.

В названьях ваших вечный рост,
Гуденье пчел, качанье ос,
Мое в них что-то отразилось:
Мое движенье, мой вопрос,
Рука, седая от росинок.

Миг изумленья – славный миг! –
Постигнуть дай чужой язык,
Дай в речи тайной разобраться!
Как радостны в зеленом братстве
Печали синих вероник.

Мои свидетели и судьи,
Я к вам пустился налегке.
Во мне чуть-чуть от вашей сути...

Скажите, как зовутся люди
На вашем хрупком языке?

Тем слаще мед,
 тем сахаристой,
Яснее запахами
 дня,
Чем больше солнца
 стает в листьях,
Чем больше туч стечет
 к корням.
Участвуй
 в той метаморфозе,
В цветение дерева
 врасти,
Узнай, что лето
 копит осень

Не для последнего
 "прости".

Тигода

Просыпалась речка Тигода –
Отзывалась речка тихо так.
Проплывало солнце медленно –
Не тонула в речке медь его.

Тишина ее прилипчива,
Что вода ее черничная,
Что гудение пчелиное,
Чуть задета электричками,
Чуть проникнута былинами,
Чуть шагами по мосткам ее,
Полосканьем и другим быльем...

А у дна вода – малиновая.

Берега ее широкие
В черных ягодах черемухи,
Да струей щекотно-шелковой
Хмель стекал в кувшинки желтые.
А над лугом к лесу сотнями
Дудки выбросили зонтики.
А над ломкою малиною,
Над лихой крапивой черною
Сухостой – рога лосиные

Светло-светлые, точеные.

А под вечер страсти разные:
Клевера зардеют марсами,
Дрогнут ящерками осыпи,
А бугры заблеют козами.
Быть лугам золотоглазыми –
Лягушата повылазают.
И туман – река без имени –
Хлынет с месяца, как с вымени,
Без конца сливаясь в озеро...

И пахнет вдруг ранней осенью.

И всплывут холмы над Тигодой
Рыбой-кит, как в сказках водится, –
Между ребер пашни, выгоны,
Между глаз торчит околица.
Там Погост – деревня древняя –
Тихий остров за деревьями,
За светящимися копнами...

Ты когда была здесь вкопана?
Ты когда была здесь срублена?
Сколько раз звенела углями?
И опять цветные россыпи.
Петухи!.. Живые... Господи.

Заря

Не старице ветхой
Славянская речь:
Красавицей девкой –
Такой не перечь!
Не квелой, а спелой –
Для легких родин,
Счастливую телом
Лучистым своим,
Росой облиянным...

Туманы бегут
С высокой поляны
На том берегу.
Сбегают и, словно
От бега устав,
Ложатся под склоном
В прибрежных кустах...

И дрогнули листья
В завесе вьюнков,
Как ныне и присно,

Как веки веков.

И воздух серебрян,
Как стан молодой,
Мерцает сиренью
Над мерной водой,
Над маревом веток,
Свисающих к ней,
Над свежестью, вдетой
В иголки хвощей...
Вода розовеет.
Сирень холодит.
Не стой ротозеем!
К земле припади.
Сторонятся ивы.
Чело на восход.

Игривое имя
Наполнило рот!..

Ты, речь моих дедов –
И горечь и сладость, –
Еще до рассвета
С рекою слилась,
Зарей-заряницей
Тебе заиграть
На веслах-ресницах
Стригущими гладь
Глазами-ладьями,
Оставив просвет
В ночи – соловьями
Освищенный след,
Летящими борзо
По светлой воде...

Глянь – красное корзно²
На правой ладье!..
Ты славно распелась,
Так пой же еще
Про млечную белость,
Про ягоды щек.
И брови союзны,
Лоб гладок и крут,
Как волосы грузно,
Как густо текут,
Как пахнет медово,
Как запах весом –
И дымом, и домом,
И сеном, и сном,
И тмином и тиной

2 Корзно – плащ (древнерус.)

На тихом ветру,
И желтой овчиной,
Сопревшей к утру...

Белый олень

Бел рассвет так березов, так дымчат и замшево-зелен,
Так раскатисто-трубен и так напряженно-ветвист,
Что казался седым, струнноногим высоким оленем,
Теплой мордой своей погруженным в струящийся свист.

Как же долго я ждал... Я его не увидел сначала,
Лишь почувствовал: здесь! – по серебряной дрожи
ветвей –

И нащупав рукой оперенное горло колчана,
С тетивой словно выдохнул вместе: лети и убей!

Не упал он, а вдруг опустился в траву на колени,
Зарываясь ноздрями и в листья ее и коренья.
Не кричал, не прощался, а замер мой белый олень...

Так зардела трава земляникой горячею, ранней,
Так оплакан он был молодыми Иваном да Марьей,
Что казалось, над ним пел не я, а сам бронзовый день.

Осень

Осень звякает медью –
Ей монисто к лицу.
Повстречать бы мне ведьму
в поредевшем лесу.
Сквозь черненькие ветви –
Лебединый полет...
Верю: ладная ведьма
Где-то близко живет.

Верю в вещую душу,
Что ширяет окрест.
Покажись мне – не струшу,
Дам колечко на перст.

Что подобна ты зверю,
Что спина – пополам,
Никогда я не верил
Византийским попам!

Не седые волосья –
Лживей не было лжи! –
Твои косы – колосья
Тяжелеющей ржи,

Губы – гроздью рябины,
А глаза – синий мед.
Да не всякий детина
Ведьму замуж возьмет.

Да не всякий полюбит,
Страх привычный огня...
Ходит ведьма по людям,
Ищет ведьма меня!

Ведай, тут я, ответь мне,
Золотая кора,
Босоногая ведьма –
Ни кола, ни двора!

Море Инкери

Мы сосны –
Скальды дюн и ветреных утесов.
Мы медленно скользим по камню и песку.
А море – солнечно, светло, желтоволосо,
С улыбкой, исцеляющей тоску.

И я войду в прилив по лестнице отлогой,
О море Инкери!..
За плеском рыбьих стай
Уйду в твои глаза с ленивой поволокой –
Прими меня, на верность испытай.

Мы – скальды!
Плачем
Мы,
Как только сосны плачут:
Следы горячих смол остынут на коре...
Но будет яркий день, и дюны, и удача –
Найдут твою улыбку в янтаре!

Нида

У Нида узкое лицо,
Разбуженный грозою камень.
На скулах, пройденных резцом,
Живая боль соленых капель.

Невестой брошенной, вдовой,
Накинув сумерки на плечи,
Кого ты ждешь, не чая встречи,
Землею, небом и водой?

И утром, душу обнажая,
Полураздетая дождем,
Кого ты вечно провожаешь?
И женщиной ли он рожден?..

А сердце Нида – ресторан:
Оркестр урезывает глотки,
Герои стоек на таран
Берут лимончик к пятой стопке.

И что им Нида и гроза?
И никогда им не казалось,
Что облака, как поезда
К своим измученным вокзалам

Бегут под твой зеленый кров,
Где люди жалко бедокурят:
Не замечают белокурых
Гребущих к берегу ветров.

Ярвеские дюны

Распластались над берегом сосны,
Над песками повисли.
Так извилисты ветки и остры,
Словно в каждой – по мысли.

И завязаны красные корни
Смоляными узлами –
Наказали им дюны запомнить
И таить, что узнали.

Бережет безымянные святцы
Глаз тяжелый вороний.
Нераспетые руны таятся,
Как в ларцах, под корою.

Ничего в этих дюнах не канет –
Все останется с нами.
Схлынет море, и выступит камень
С молодыми стихами.

Помогите мне, дюны, в балладах,
Вам ли в памяти рыться!
...Ехал месяц в начищенных латах –
Храбрый маленький рыцарь...

Рыуге

1. Опушка леса

Беги за мной – пригорок там, –
И нам никто не помешает:
Вокруг лишь небо и лишайник
Да облако, как белый храм –
Как белый храм, высокий храм,
Открытый солнцу и ветрам
Среди березового звона,
Томленья елей, всплесков клена
И дятлов стука по стволам.

Беги за мной из небылиц
Под крылья птиц в былины наши
Глаза наполнить, словно чаши,
Сиянием истины крупиц –
Нам предназначенных крупиц –
Потомкам птиц и предкам птиц.
И помоги, багульник пьяный,
Подлесье, полное тумана
От синих ягод голубиц!

Как много синих-синих их! –
До солнца... На губах твоих...

2. Соловиный овраг

Не знать, что Эгеида есть,
Не слышать зов Архипелага –
И жить... И уж конечно здесь,
У Соловиного оврага,
В котором вечная роса
Смешала с ветками коренья,
В котором птичьи голоса
Звучат, как в пятый день творенья,
Где солнца редкая руда
Сквозь полумрак поманит кладом,
И омут – мертвая вода –
Вдруг разразится водопадом
У старой мельницы, донесь
Где пахнет зернами пивными,
Где с мельников сбивая спесь,
Их жены спали с водяными
Среди дремучих купырей,
Среди некошенных осочин...
Когда б не знать, что есть Пирей,
Где и не ждут нас, между прочим.

3. Чаша-озеро

В. С. Шефнеру

Когда солнце сбегает с малиновых гор,
Проступает далекий зазубренный бор –

И не бор – бурый зубр! И рогами вперед!
И застыл над водой. И из озера пьет...

Когда солнце садится неведомо где,
Тучи – рыжие цапли в черной воде –
Вместе с желтыми цаплями сумерек ждут,
А потом пропадают за рябью минут.

Ну, а если не верите – я ни при чем:
Даже старые липы устали от пчел
И закрыли глаза, будто им все равно,
Что от этого стало и вовсе темно.

И ложится трава без улыбчивых свай
Вкруг раkitных кустов на пологих холмах.
И исчезла трава. А сиреневый дол
Словно весь уместился в березовый ствол.

Птицы стихли. И щуки наелись ухи.
Еж крадется – ушами трясут лопухи.
И косясь, и храпя, и к дремоте клоня,
Бродят крыши бочком по обочине дня.

Вдруг заплакал ребенок... Зачем? Почему?
Или больно ему? Или страшно ему?
Только плач этот искренний нужен сейчас,
Потому что природа уходит от нас.

Над Неманом

Мы вышли к Неману из леса
Из-под широкого навеса,
Из-под короткого дождя.
Рассвет за светлой тенью плёса
Напротив нас, у перевоза
Который час парома ждал.

И к тишине над берегами,
Пространно-властной, великаньей,
Свои моторы заглушив,
Грузовики сбегали скромно
И так бесплотно и бескровно –
Одним движением души...

А за спиною ночь на хвое
И небо мягкое, живое,
Как обнаженная рука,
Холмы, и в их ложбинах полых
Парное эхо радиолы,
Уже остывшее слегка...

В ладони набираю Неман,
Тепло, пропахнувшее сеном
Белесовато-голубым,
И подношу к лицу изгоя
Свое лицо – совсем другое,
Поднявшееся из глубин.

Так вот каким я был задуман!
С глазами старца Аввакума,
С его гордыней и костром,
Лишь перед Родиной смиренным...
Тут небо

щеки мне

нетленным

Сурово вытерло холстом.

Южнее Алитуса

Мне Алитус снится
Меж сосен и пней
И древние лица
Литовских парней.

Их брови – как тучи,
Им Неман плеснул
Волною на кручи
Обветренных скул.

Косою-литовкой
Нас месяц настиг.
Потомков Витовта
Гнал в ночь грузовик.

Почти темно-карий,
Скачками коня!..
И копны пылали
Над берегом дня,

И ветер – неровный,
И ноздри – жадны,
И копны – не копны –
Ночные шатры.

Не поздняя птаха –
Сталь точат о брус:
Здесь в белых рубахах
Вся Черная Русь!

Потник стелет конский
Ордынец-наймит.
Спит Нямунас. Войско

Литовское спит.

А завтра Грюнвальд
И последний подъем,
И в рай или в ад
Им стучаться копьём.

Дай, боже, им гордость,
Железную статью,
Железные морды
Железом достать!..

Густеющим небом
Земля налита.
И песня – как невод.
И в песне – Литва.

Я знаю: не вернуться нам
К тем всемогущим и всевышним
Черно-зеленым старым вишням,
К их августеющим плодам.

К себе, к ладоням в терпком соке,
К губам вишневым и щекам,
Туда, где тени, как чекан
На светлом поясе дороги,

Остались наши. Ты и я
Ушли в то утро от себя,
Нас дождь вобрал прохладно-жгучий,

Спалил нас вишневым огнем...
И то, что ныне мы живем, –
Необъяснимо долгий случай.

Рижская свадьба

Это не ветер в Риге, а Уленшпигель.
Это не осень вовсе – пиво для Ламме.
Рига качнула в небе пламенем шпилей.
Рига взлетела в небо колоколами.

С мокрых от смеха кровель флюгеры машут.
Отсвет буланных молний мчится по жести.
Мерно проходят башни в свадебном марше.
Тучи собрались в кучи чисто по-женски.

Листья горят, как лица, от любопытства.

Рига выходит замуж – всякому близко.
Осень выносит пиво – как не напиться.
Домский орган, как море, – в пене и брызгах.

Это не грозы – гёзы вышли на берег.
Это не Рига – Неле в грозном портале.
Чайки с фатой на перьях, если поверить
В то, что стрижи-рижане мне рассказали.

Правда, приврали малость – просто усталость,
Но безобидно, видно, так – безотчетно:
Будто ждала так долго, что застоялась
В шелковых лентах "Волга" в шашечках черных.

Прощай, Паланга! Ветер жжет виски.
Вы, стрелы сосен в дымном оперенье,
Вы, солнцем обнаженные пески,
И город-куколка в июньской оперетте.

Вам, чаши дюн, в глазах моих светлеть,
Жалеть о каждой пролитой минуте –
Ведь в памяти, как в бережном седле,
Я увожу от вас мою Бируте.

Прибалтика – представшая другой,
Чем думать принято: со лба откинув ливни,
Вот радуга – отчаянной дугой,
Вдруг облака – пьянее белых лилий!

Вся в плавниках, и в крыльях, и в лучах,
И в голосах – дай в памяти не скомкать!
Последний раз волнистого ягненка
Я выношу на отмель на плечах,

Как добрый пастырь, добрым делом гордый.
И ловок я, и мне руно легко...
Как ветер твой завязывает горло,
Паланга, как все сине-далеко!

Тот синий день, под радугой звучащей...
Продли его, обжить его позволь!..
Я пью из памяти все более и чаще,
И губы мне не разъедает соль.

Ереванский полдень

Над Араратом небо чистое:
Дождя не будет, хоть умри!

Деревья наклонились листьями
К губам измученной земли.
И полдень вовсе не мечтательный,
И небо не из влажных смальт,
И вдавлен четкими печатями
Почти дымящийся асфальт.
Сестра моя, земля армянская,
И ты мне даришь хлеб и кров!
Земля с пожухнувшими красками,
Земля – свернувшаяся кровь!
А город, брат мой, тает в пламени.
Среди толпы безмолвных гор –
Он из героев, вечных в памяти,
Что поднимались на костер.
А город плавится... И чудится,
Что молот солнца бьет сильней.
Не здесь ли, как в гигантской кузнице,
Ковалось мужество людей?
И я кричу, закинув голову,
Вам ветры северные, вам:
"Дождя земле и брату-городу!
Пролейся, небо, как Севан!"

Кармир-блур

Луч солнца стрелой просвистел
Из вспученной облачной пены.
Под Красным холмом цитадель,
Когда-то могучие стены.

На влажной от ночи земле,
Еще не согревшейся, синей,
Тень города, призрака след,
Такой же, как там – в Хиросиме.

Все чаще паденье лучей,
И кажется в мареве красном,
Что слышны удары бичей,
Что близится скифское рабство.

Зла участь твоих крепостей!
Зла память о подвигах ратных! –
На этом высоком костре
Растаяла слава Урарту!..

Рассвет. За волною волна
Летит по равнине бросками.
Кровавое слово "война"
В багряный курган вырастает.

Армянские мальчишки

Носилки, носилки, носилки с песком –
Мальчишки по трапу бегут босиком!
В неярком рассвете их плечи худые
Почти голубые... Совсем голубые!

Мелькают лопатки на узеньких спинах,
Цвет узких ладоней рябинов-рябинов.
Не звякает кружка о стенки ведра:
Эй, эй! Торопись! Наступает жара!

Мальчишки смеются – зубов-то, зубов-то!
Мальчишки смеются: сегодня суббота!
И странно серьезно альтовые горла
Выводят все: "Кармен, красою гордой..."

А солнце прошло половину пути –
Усатая морда, пылающий тигр!
Он желтой лавиной, он рыжей лавиной
Обрушится с неба на плечи и спины!

Мальчишки-тростинки бросают носилки.
По длинным ресницам сбегает росинки.
И – вниз! – где Раздан по камням кружевным,
Где радуга в брызгах трепещет над ним!

Раздан

Где вода – там и жизнь. Где вода – там и жизнь!
Напой нас, Раздан! – унеси, закружи!
А Раздан белогривей и легче коня –
По кипящим камням, по кипящим камням!

Где проскачет Раздан с белой пеной у рта,
На зеленом ветру голубеет листва.
А на желтом ветру ковыли (ковыли!)
Зашивают глубокие раны земли.

Где проскачет Раздан – облака (облака!)
На работу бегут, засучив рукава, –
Ты позволь им, земля, иссушающий зной
Обратить за грозой синеглазой лозой.

Каменистой тропой мимо красных пустынь
Сколько лет проскакал ты, не зная узды?
Мимо царств проскакал белый конь без седла –
Скачет конь, а от царств – нет следа. Нет следа.

Я стою, я дивлюсь у плотины речной:

Неужели ручной? Ты, Раздан, – и ручной?!
Прокати нас, Роздан, упои, освежи!..
Где вода – там и жизнь! Где вода – там и жизнь!

Дочь Чаренца

Мы слушаем стихи Чаренца
Уже который час подряд.
В окно гостиницы черешни
И звезды мокрые глядят.

Раздана дальнее стаккато,
Луны зеленое руно
Переливаются в стаканы
И превращаются в вино...

А речь гортаннее ущелий
Армянских обгорелых гор –
Да не унизит птичий щебет
Их иссеченных ветром горл.

За ней, в бессонных белых шрамах,
Тропою тюрем и крамол
Шла Революция и жгла нас
Глазами жаркими Камо.

И тесно в комнате и грозно –
Слова, широкие в кости,
Слова, поставленные в козлы,
Слова – папахи и костры.

А рядом радость ртом дышала,
И выла боль в пустой рукав,
И бронепоезд лез по шпалам
С клинком прожектора в зубах!..

"Свобода, смысл твой не наивен.
Ты – как трудом добытый стих.
Ты не забыла о Наири –
Стране прапрадедов моих.

И я не мог писать иначе
И жить иначе – до конца!"
...И дочь Чаренца тихо плачет,
Читая исповедь отца.

Едем в Гарни

Скачут красные всадники – это горы.
Горы в морщинах каменных – это годы.

Всадники вспыхнут саблями – это слюды.
В сизой долине садики – это люди!

Там под землей – источники, руд сверканье.
Там на земле – история в грудях камня.
А за трехтонкой облако бурой пыли,
Грузовичок наш крохотный – будто в мыле.

Мимо летят обочины в сером дыме,
Кирками бьют рабочие: смерть пустыне!
Руки покрыты золотом высшей пробы.
Будет дорога! Солоны были тропы...

К вам, деревушки горные! Выше, выше!
Кузов бросает в стороны – кузов дышит.
Тучки вдали над склонами замелькали.
Солнце в Гарни – колоннами с завитками!

Проникновение в молчание

И ветер, как вечер, устало-тенист,
Как солнце, летящее за гору...
Простимся на случай: тернист Варденис³
Мы в горы вступаем, как в заговор.

Там время другое. И стоит понять
До этого зыбкого времени,
Что горы скорее способны подмять,
Чем дать вознестись до их темени.

У каменных вех на ночном рубеже
Вдруг взвоешь, ничтожный, обманутый:
Да горы ли это, и я ли уже
Среди фиолетовых мамонтов?!

Да этот ли август я в жизни искал
Со звонкими звездными ливнями!
Здесь небо упало на лезвия скал,
Здесь – тело распорото бивнями!

Но я и такое осилить бы мог,
Каменья целую коленями...
Движенья не вижу их, топота ног
Не слышу – в своем измерении.

А в их измеренье вчера был ледник
Под небом, не пахнувшим ирисом,
Они лишь вчера заразились людьми –
Еще неизвестным им вирусом.

3 Варденис – хребет к юго-востоку от озера Севан.

Они облысели еще до утра.
Им жилы тянуло под кожей.
Ломило в костях. И от жженья нутра
Им головы гнуло к подножию.

Мы их разрушали, покорных, чужих,
Кичась своим жизненным рвением,
Не зная о жизни и времени их,
Довольствуясь собственным временем.

А в их измеренье – тревога сполох
Хребтины натянуты струнами,
И осеней ветры – как выдох и вдох –
С глазами – калеными лунами.

И эту ли ясность затиснуть в стихи!
И может ли хаос понравиться!
Да есть ли на свете такой мастихин,
Чтоб с этими красками справиться?!

О, горы! Я глупую гордость скрутил,
А то, бестолковая, мечется.
Сомните меня в искупленье пути
Всего моего человечества!

Давайте, давайте меня порешим!
...И жду, холодея, судьбу свою.
Молчание – голос горящих вершин.
Я только угрозу их чувствую.

Не праздное чувство. Не греет спины.
Что, если схлестнутся два времени?
Погибнем ли мы с осознаньем вины
Под тяжестью горного племени?

Их время... другое: нам – эра, а им –
Миг, шаг между звездными кряжами.
А мы скоротечны... Что, если живым
Наш род проскользнет в междушажие!

О горы! Кто выдумал вас подчинять?
Какие тщеславные бестии?
Ведь сбудется: бросимся мир починять,
Пытаясь спасти равновесие!..

Да полно: не тучи – смог небо застлал...
Да поздно, что рублено, сращивать...
Одно несомненно: ближайший обвал
Не мне предназначен был. Пращуру!

.....

...Молчит, леденеет ночная гряда.
В молчании сердце неистово.
Да так ли все будет?.. Но горы всегда
Ведут человека на исповедь.
.....

Не слышат... А время в подземных стволах
Подходит железною лавою.
Заступник наш Мгер⁴, затворенный в горах,
Умерь их возмездие правое!

Не видят... В каком же они далеке...
О даль! Будь без страха помянута...
И совесть в протянутой небу руке –
Смешная охранная грамота...

Живи, любопытствуй о времени том,
Дивись своей мощью иль немощью,
Тебя ж не сочтут они равным врагом,
Ни даже досадною мелочью.

Не будет возмездия. Времени нет
Сгрести нас пятнистою лапою.
Смирится ль сознание, постигнув секрет,
Что мы в мирозданье – не главное!..

И это в преддверье твоём, Айоцзор⁵,
Догадка нелепая, дикая:
Нас просто не будет средь медленных гор,
Молчащих меж звездными пиками...

В молчание входит проходческий щит.
Труднее базальтов молчание.
Ты выдержишь, разум?.. И разум молчит...
Глухой темноты нарастание.

Зангузер. Пейзаж с орлом.

Тот еще молодой, кто на песню набрел...
Чернокрылой ладьей гаснет в солнце орел.
У орла по бокам на весу по веслу.
Зной и звон: Зурбаган, Занзибар, Зангезур.
Перезвон: Зангезур, Занзибар, Зурбаган...
Вышибает слезу световой ураган!
Прокаленные днем ураганным огнем,
Мы с тобою идем караванным путем.
Горизонт, ореол, сердца частая дробь...
Не журавль, а орел – наша радость и скорбь!

4 Мгер – герой армянского эпоса.

5 Айоцзор – ущелье в восточной Армении (букв.: "Ущелье стонов").

Он нас жизнью корил, печень нам искромсал.
Желтой ризой горит князь-гора Ишхан-сар.
А за ней облачка оплывают Сюник,
Одинокий хачкар – подорожный тупик.
Здесь ли постный купец встретил смерть веселу?
Здесь ли поздний гонец налетел на стрелу?..
Скрип небесной арбы, гор верблюжьих горбы,
И не стынута следы закаспийской орды:
Ветер вдруг заспешит схорониться в ушах,
По степи зашуршит: "Хорезмшах, хорезмшах!.."
Или ярый татарник прожжет плену
И неожиданною гарью хлестнет: "Ленг Тимур!.."
А в траве, что как ржавые гвозди рыжа,
Только белые камни, как кости, лежат...
Зурбаган – ерунда, Занзибар – далеко.
Зангезур – перед нами! Смотри на него.

Ширван

1

Ширванский полдень повстречать
Случилось в жизни мне
И пить азербайджанский чай
В шоферской чайхане...
Взлетал до кузова песок.
Видений чехарда.
На перекрестке двух дорог
Стояла чайхана.
Там – теней дымные стога,
Там ласково берут
В ладони маленький стакан
По имени армуд.
Он дышит в них... Любая новь
Растает – не беда...
Но словно самая любовь
В ладони налита!
Любовь – не менее того!
Не правда ли, сосед? –
И между пальцами его
Вишневый брызжет цвет
Степного солнца. Жгучей нет!
Еще армуд налей –
Багровый цвет, пурпурный цвет
Закатных тополей!
Слова – неверные, лгуны!
Налей-ка, друг, еще...
Цвет смуглой ветреной луны,
Цвет губ ее и щек.

2

Отроги Малого Кавказа,
За ними – старый Карабах,
Сам по себе, не для рассказов
В далеких русских городах.
Мы ближе, кажется, к Аллаху,
Ведь рядом – средние века
И... вечер, вынесший папаху
И горбоносого конька,
И сонно блеющее стадо:
Живой овчины кислый пар,
Рогов несчитанное злато,
Метнувшееся в свете фар...
Прошли... Огонь у переезда.
Гора арбузов. Тень – тиха.
И снова трогаемся с места.
Гянджа... А дальше? Шемаха?
Остынет жгучая дорога,
Когда, дурманом налитой,
Паду у первого порога
Никем не видимой звездой.

3

Промчался день, как медный конь.
Я чуда ждал: оно явилось –
И ночь прохладная, как милость,
Скользнула в черствую ладонь.

Нам глинобитный двор – постель.
И нет щедрей скупого дара:
Циновка, черная чинара
И роль невиданных гостей.

Глаза... худых, усталых женщин,
Детей, усевшихся вокруг,
Галдящих и молчащих вдруг
И робко трогающих вещи.

И на какой то миг слились
В одной улыбке виноватой
Их вид чуть-чуть цыгановатый
И наша таборная жизнь.

Потом ушли они. Потом
Восточно зеленели звезды
И я, укрывшись небом пестрым,
Уснул азербайджанским сном.

В горах, в палатке на ветру
Так вновь хотелось бы проснуться
И лбом к холодному стеклу
Седого неба прикоснуться –

И ждать... Ждать падающих звезд,
Как с подоконника на склоне,
И, на стекле расплющив нос,
Стирать дыхание ладонью.

И мысли – лунные. Их свет
Ничто на свете не потушит –
Ни вопли пылкие лягушек,
Ни бред собак в ночном селе!

И сердце крикнет в темноту,
По-марсиански голубея:
"Сойди, судьба Кассиопея,
Сними с поэта немоту!"

Ингури

Цепляйся за корни,
Ползи по карнизу,
Ведь горы, что кони, –
Горды и капризны.
И сбросят – не спросят –
И в полночь и в полдень.
Меж вырванных сосен
Про осыпи помни,
Про скользкие сланцы,
Звенящие медно.
Каких-то пятнадцать
Немеряных метров!..
Двенадцать. По тощей
Коричневой почве,
Над каменной ночью,
Прошедшею ночью
По рыхлым отрогам,
Над ржавою бурей,
Над бывшей дорогой,
Упавшей в Ингури.

Девочка из Наки

Эти солнечные взмахи
На вечерние отроги.
Эта девочка из Наки
В глубине лесной дороги.
Две ступни проплыли мимо,

Будто каждая – кораблик,
Далека твоя долина,
Ущемленная горами.
Высоко твое селенье
За крутыми облаками,
Где Ингури темной темью,
Накра – светлая, как пламя.
От Ингури эти косы
Чернорунными ручьями,
Где воздеты к небу сосны
С золотыми обручами.
А от Накры бирюзовой
Бирюза улыбки этой,
Где орешник, полный зовов
Глаз орехового цвета,
Где каштанов сумрак зыбкий,
Где кожаном льнет усталость...
Высока твоя улыбка!
Нелегко она досталась.

Охотник и Дали

По мотивам сванского эпоса

Над Ингури, над башнями сванов, криком древней печали,
Рдяной страсти, давно позабытой, сокрытой веками:
Подари мне сентябрьского тура, солнцеликая Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!

Из пещер обожженных, по скалам, по заснеженной стали
Саблезубых гранитов, где тучи стеснились быками:
Полюбить тебя сердца не хватит, светлорукая Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!

С медным эхом обвалов, камнепадов, что смелость пытали,
От которых и грифы, смутясь, уходили кругами:
Отпусти меня к пропастям синим, зореглазая Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!

По раскатистым склонам ветры угли осин раскидали,
Виноград и кизил запылали в полнеба стогами,
Вечер высветлен кленом: простимся, желтокося Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!

Горы в масках медвежьих, как загонщики, с копьями встали,
Быстроногий поток нож охотничий точит о камень,
Забурели дубравы: не держи, вечно юная Дали!
Подари мне сентябрьского тура с золотыми рогами!

Мы поплывем, как аргонавты,
Нам снова прошлому грубить,
Перед зарей рубить канаты,
Заря нам будет в парус бить.

Нам позавидуют монархи,
Обеих Индий короли,
Когда неведомые арги
Отстроят наши корабли.

Нам бороздить иное лоно,
Нам тормошить иных богов!..
Но сколько звонкого озона,

Но сколько бронзового звона
В рассветном имени Ясона
Над сном колхидских берегов!

Коктебель

В рассветных сумерках, в которых
Весь мир – как в капле молока,
До первых птиц вставали горы,
Облокотясь на облака.

Но раньше их, вершиной тая
В далеких перистых лучах,
Одна – воистину святая –
С зеленой шкурой на плечах

Ввысь поднималась, невесома,
Чтоб за спиной Хамелеона
Увидеть паруса излом

И руки смуглые, узлом,
Еще не тронутые злом,
На шее спящего Ясона.

Бахчисарай

...Светилась пыль, от солнца загораясь.
Светили стены в синих тупиках.
И снова я в плену Бахчисарая,
плутаю в переулках, как в веках.

Я символов не понял первородства.
Наверно, вечно ссориться богам:
на что обречь я должен был потомство?
И крест кровав, и злобен ятаган!

Что понял я? Не ты, резная древность,
влекла меня. И я шагнул в гарем.
И был гарем – как не решенный ребус.
И жалок, и жесток, и горд, и нем,
как евнух. В нем шло время без ночлега,
без жажды...

Мать,

стыдившаяся ласк

отца,

я жду черкесского набега

В тени твоих лесных мазурских глаз.

И, сытый солнцем, сердцем голодаю
для крови, для осознанной вражды,
что бросит в ночь,

в седло,

в галоп,

в Солдайю...

Прости меня! – и жди, и ворожи...

Я стал, как ты хотела, славянином.
Скакал и плыл – в горсть гриву степняка –
туда, где Висла слушает былины
косматого седого ивняка.

Я выжег Крым. Но что мне в этой мести,
верблюды времени? Зачах нечистый рай.
Крест изломал исламский полумесяц...
Где мать моя?.. Молчал Бахчисарай.

И полдень был. Он бил бичом по чувствам.
И пьяное тепло – не радость, а порок.
Фонтан из слез казался мне кошунством.
И сжалась тень моя. И плакала у ног.

Солнце

Нагим было Солнце... Лоснилось, блестело,
Светилось от счастья небесное тело –
И не было кожи атласней, чем эта!..
Тяжелое платье небесного цвета,
К ногам соскользнув, распростершись устало,
Под ним не сминалось, а лишь выцветало...
А мир задыхался, придавленный тканью,
Тяжелой, подобной по тяжести камню:
Земля рассыпалась, сдавалась на милость
И в медленных муках мукою дымилась;
Томились, тускнели озера; измучен
Ток сломленных рек в лабиринтах излучин,
Тягучий, густеющий к мелям слоеным,

Горячим; сгорали холмы-караван;
Трепали леса языки-краснобаи –
Всполохи огня; и запекшейся кровью
Глазница оврага под выжженной бровью
Пылала; и стлался в кровище и поте
Чудовищный запах распоротой плоти,
Живой, первозданной, ни горькой, ни сладкой,
Схватившей за горло железною хваткой
Земли... Был громаден тот запах и бешен –
Он мог быть увиден, он мог быть и взвешен,
Наверно, на вещих весах мироздания –
В нем запахи мира, теряя названья,
Слагались и множились и... не ласкали...
Как смертный улыбку признает в оскале
Огня?!..

А Солнце сияло, зияло, звенело –
И все дерзновенно, и вольно, и смело
В нем было. А Солнца великое сердце
Как будто срывалось с гигантских трапедий,
Катилось с откосов, слетало с карнизов!
И не было верха, и не было низа...
А волосы Солнца, как светлое знамя,
Стремилась. А Солнце шальными глазами
Весь мир обводило от рая до ада,
И слышало Солнце: "О Солнце! О Лада!

Отдай мне свои драгоценные соты!.."

И кто-то чрезмерный, невидимый кто-то,
Поскольку объять его не было взгляда:
"Отдай свои соты, о Солнце! О, Лада!.."

Как время жестокий, пространством косматый,
Кому на земле еще не было статуй,
Тот, в чьем ожерелье дрожал полумесяц
Из синих когтей двух суровых медведиц,
Кто К о с м о с о м нами был назван случайно,
Чье сущее имя по-прежнему тайно,
Сжимающий Солнце неистово, дико,
До белого меда, до птичьего крика,
До черных низов громового раската
Л ю б и л это Солнце: "О Солнце! О, Лада!.."
И что было Солнцу до наших гнездовий?
Ведь Солнце от собственной солнечной крови
Пьянело, тянулось в звериной истоме...
Так нет ведь и чувства на свете исконней!
Ведь Солнце л ю б и л о ...

Кто думал про это,
Увидев пожарища прошлого лета?

.....

Ты, Солнце, родилось счастливой звездой...
А я, человек, я чего-нибудь стою?

Земля и ливень

Ты ждешь. Ты просишь сумрака дневного.
Не ночи, не коротких летних зорь.
И ветер твой – язык всего земного –
Травы горячей слизывает боль.

Горячая, иссохшая по ливню,
Со страстностью, стесняющей вблизи,
Ты ждешь, и в остром запахе полыни
Твой жадный и пронзительный призыв!

И он придет. Могучий и покорный.
На плечи гор – их бурюю гряду –
Он ляжет головой иссиня-черной
С серебряными прядями на лбу.

Веселый странник, ты огромен, громок.
Ты спрятал солнце под шуршащий плащ.
И ты вернулся. Тебя ждали дома.
Так плачь от счастья. Тебе рады – плачь!

К тебе лицо. В прохладные ладони.
Пусть небо, голубым огнем плеща,
Войдет в зеницы. Ты из сердца гонишь
По струям струи светлые плюща.

Моя земля! Всегда живая Леда!
Кто смеет не постичь твоей любви?!
Войдем и мы в зеленый ливень лета.
Возьмем его. Мы тоже часть Земли.

ДНЕВНОЙ СВЕТ

Родина

Просмоленные, холодные, корявые,
Показались вы мне предками-варягами.
Неразгаданного рода и без имени,
Поднялись вы страшной стражею над Ильменем,
А навстречу шли дубы, теплы и кряжисты,
И смеялись смехом добрым, смехом ряженных,
И несли в глазах рассвет над синим Ярданом
Прапрабабки мои, белые, как яблони.
Как вас встретили, веселые и рослые?
Только стража ваша встала между соснами.
Копья Севера и палицы Дубровника –
Здесь и жизнь моя, и смерть,
и Русь, и Родина!

Вырубка

Снова весь я пропахнул сосной и малиной.
Не ступить бы на горькие горсти рябин...
Полдень тает. Кузнечик бренчит мандолиной
О прохладном безветрии травных глубин.

А вокруг все стволы и пеньки в иван-чае –
Словно жадная отмель с останками днищ.
И лесные герани под пурпур не прячут
Изумленно-слепые глаза пепелищ.

Это вырубка. Сосны лишь прошлой зимою,
Рассекая тугую морозную синь,
Полегли... Вот они в желтизне зверобоя,
На зеленых руках однолетних осин...

Вы, обрубки, еще называетесь лесом,
Вам служить и служить сильным телом своим,
Вас пытаться еще станем огнем и железом,
Звонколистый подлесок на гати сгноим...

Не по злобе сгноим тебя, мелочь лесная!
Лишь от удали птичьи падут города:
"Что стоишь, дядя Вася?
 Что стоишь, мать честная?!"
Да руби же, руби. Не жалея топора!.."

Пусть обрушится зной всех земных абиссиний.
Пусть усталость обнимет до звона в ушах.
Почему-то мне хочется так обессилеть,
Чтобы счастьем казалось бы – просто дышать!

Чтоб не видеть, как ели трясут бородами.
Чтоб не видеть, как сосны сурово косят.
Да не будет и мне никаких оправданий
В теплых душах еще не рожденных лосят!

"Отпусти комелек. Дай-ка юзом вершину".
Гнутся покаты. Солнце течет по спине.
Чтобы воду не пить, а кусать, как дичину,
Чтобы т о л ь к о д ы ш а т ь , прислонясь к тишине!..

Я в лесу с лесовозом. Работа простая.
Я в прорабской конторке в девятом часу
Расписался, что сосны меня не раздавят,
А березы дурной головы не снесут...

Просчитался!
Лес! Бывшая воля и пища

Для людей, для зверья, для пернатой братвы,
Я – твой грузчик, но мне не по силам кострища,
Где дрожат кулачки обожженной листвы,

Где слезятся и корчатся корни и лапы,
Где им кожу-кору прогрызает огонь...
Да не стать мне огнине ни искрой, ни лавой!
Мой поверженный лес, я раздавлен тобой.

Покинуть Землю – неизбежность.
Мы ждем, готовые к броску.
Но кто измерит нашу нежность
И нашу спящую тоску
По придорожным хрупким вербам,
Купавкам, солнцем налитым?
Но кто измерит нашу верность
Гвоздикам – звездам полевым,
Сиянью месяца за стогом,
Под крышей спящему стрижу,
Бегущему через дорогу
От страха храброму ежу?
Кто нам людей во тьме заменит?
Что мы почувствуем вдали,
Когда на смену всех затмений
Придет затмение Земли?!

Пан

Поэма

М.А. Врубелю

Был темен лес, и дрябл, и тонконог,
И, темнотою неба полустертый,
Казался мертвым... Нет! И был он мертвый,
Был стоя мертв, поскольку лечь не мог.
Лишь в краткие часы осуществленья
Возможностей всего наоборот
Он жил, пока петух не пропоет,
Промозглой, отрешенной жизнью тленья.
Но не его, себя я превозмог,
Когда вокруг без кожистой оправы
Хрустели кости, щелкали суставы,
Труха взвивалась вверх из-под сапог.
Сквозь хвойную изношенную ветошь,
Давно уже беспомощную ретушь
Сквозили то ребро, то позвонок.
И, ужасом моим очеловечась,
Показывая прыть не по летам,

Стеная, улюлюкая, калечась,
По собственным растерзанным телам
За мною по пятам пустилась нечисть!
И я бежал. Солгать себе не дам:
Я мчался с каждой рытвиной тощая,
Я стлался, руки выбросив вперед,
Царапин и пинков не замечая,
Одни глаза локтями защищая...
Летел ли я? – сомнение берет...
Да! – пеклом рта окрестность освещаю.
Исчезло и подобие дороги.
В низину, склоном не всегда отлогим
Лесные голоса меня несли,
Хотя и очень близко от земли,
Но все ж над ней – они меня спасли,
Сочтя, наверно, пьяным иль убогим.
Здесь тьма переступила свой предел:
Лес отставал, рядами поредел
И встал вдруг, тяжело дыша от бега,
В испарине... Мерцали светляки,
Скрипучий колкий наст сменили мхи,
Лиловей, жестче мартовского снега.
Томилась темь. Багульник резко пах
Дурной, не освежающе солью.
Рябило прорезною гоноболью...
Я задыхался. Пережитый страх
На раскаленных спекшихся губах
Откликнулся обидою и болью.
Что впереди? Как ноги уволочь?
За мною не чашоба, не трущоба –
Чудовищная липкая амеба,
Бесформенная тьмы и страха дочь,
Ворочалась, зевала во всю ночь,
Показывая трепетное нёбо.
Что было дальше, вряд ли передам.
...Неумолимо напознал туман,
Распространялся, оставляя мели,
По впадинкам, ложбинкам еле-еле,
Как встари и не снилось пластунам,
Навстречу мне на взгорье неприметным
Подкрался и, негядан и неждан,
Воспрянул и прикончил власть ума!
Презрев ее и выкриком победным...
Я с той поры с туманом в голове.
Здесь всем, быть может, в пору рассмеяться.
И губы мои вежливо змеются,
Сочувствуя веселости вполне,
Тем более – уместной, просвещенной...
И кто-то из смеющихся, смущенный
Нелепым поведением моим,
Поймет, что смехом я неубедим,
И замолчит, сомненьем поглощенный...

Начало мысли! Миг раскрепощенный!
Немедленно воспользуемся им.
Подумаем немного, помолчим:
Постыдно ли, что мир мой – чуть смещенный?
За то ль, что, в тайных травках изощренный,
Я заслужил юродивого нимб?..
Сомнение! Оно всему виной.
Ведь то, что осязаемо и зримо,
Доступно мне, – и то, что будто мнимо,
Что стоило назвать бы целиной.
Поверь, воображаемое мной
От радостей людских неотделимо
И от печалей... Внешностью лукавы
Слова мои, смятенны, словно травы,
Двусмысленный дождя и ветра сплав,
Грозы творенье... Не за ради славы
Я говорю: тот, кто всегда был прав,
Возможно, и не начинал быть правым!
Но если я в чем сразу убедил,
С налету вызвал бурное довольство, –
Довольство будет мысли не на пользу.
Для пользы – значит, мысль я оглупил,
И сам на удаленье от глубин,
И ложное внушаю!.. Беспокойство.
Сплошной туман... Но: в истине есть ложь,
И истина во лжи – как воздаянье.
Но если есть меж ними расстоянье, –
Хотя бы знать, в чью сторону идешь.
Есть истина в кукушки кукованье,
Далекая от смысла толкованья,
И в васильках, во вред пестрящих рожь.
Так что ж непостоянства постоянной
И знания такого окаянной,
И кто за эту мудрость кинет грош?
Туманно все... Вот смех и слезы рядом.
Казалось бы: сменяйтесь без помех
Законным очередности обрядом.
Ан нет! Не только в царстве тридевятом
За смехом – громовой громающий смех,
А за слезами – слезы сущим градом...
Так для начала я других мерил
Признал существованье с их обличем,
Ни с чем не сообразным, утопичным...
Итак, туман, как я и говорил,
Пленил меня, взял языком язычник –
Всею радугой разбавленных белил,
То сиз, то синь, то зелен, то коричнев –
Он все кругом топил или палил,
И на бугры карабкался черничник,
И папоротник парусно парил.
И лес преображался постепенно.
Меня за час не взявшие на щит,

Сложив у ног и копыя, и пращи,
Кощеи подозрительно смиренно
На мощи враз набросили плащи.
Мягчали мхи, поддавшись откровенно
По щиколотку, где и по колено.
И в рост пустились тихие хвощи.
Так тихо тянет нитку шелкопряд.
Но помните: в сужденьях я предвзят,
Ведь я не кто-нибудь – язык тумана.
Пушными подбородками котят
Ласкались на пригорках листья мят.
Полянка, перелесок, вновь поляна.
Две елочки над нею постоянно,
Как духи взявшись за руки, летят.
Но я прошел над их чертой воздушной,
Безропотный и грустно-равнодушный,
Для новых обступающих тревог
Свободных мест в сознание не осталось,
А если что придерживал, то малость,
И я их не для крайностей берег.
Какой же от иных видений прок?
Примерзится ж такое спозаранку:
На сваях дом, как белая поганка,
На цыпочках стоящий хуторок.
Откуда бы? Он – выморок, манок.
Избенка заколочена; под дранкой,
Без окон, без дверей, глядит подранком...
И на трубе, присмотришься, замок.
Не выглянет мужик из под телеги,
Которой не было и нет... Мужик?
И что же он забыл в такой глуши?
Был приходящим – да и в кои веки!
Представить можно "милого дружка",
Кому вот здесь "сережка из ушка"!
Бурьян – как песнь о конях черно-пегих,
Глазастый череп битого горшка –
Нетленный образ русского божка
Времен, когда ценились обереги...
И все-таки я, философски слабый,
К тому ж, бесспорно, сбившийся с пути,
Решившись к неизбежному прийти,
Глазами поискал Ягую бабу.
Но мимо неминуемая напасть,
На этот раз судьба моя ехидна:
Бобылка погадала, очевидно,
И, бросив незатейливую снасть,
На булки городские подалась...
И радоваться надо, и... обидно!
И то обидно, что ученый кот,
Кого не заменила мне и школа,
Шарахнулся с остатков частокола...
Поодичал... Совсем, совсем не тот!

Уж песенку-мурлычку не споет,
Не смеет сказку тонкого помола.
...Как долго я кружил в лесу густом,
Сыром, блажном, до одури усталый,
Казня себя: мол, трус я небывалый,
Мол, снова стал в тупик перед кустом, –
Стесняясь осенить себя крестом
Иль заговор припомнить захудалый...
За хмарой сгинул хутор обветшалый,
Душа, покинув тело, босиком, –
А я-то мнил, в чем вижу вред немалый,
Что я при жизни целен, несеком, –
Плелась поодаль, позади – мне на зло.
Нам путь тропил ребенок одноглазый,
Прикинувшийся раньше светляком.
Как не раскрыл я эту хитрость сразу!
Так мы и шли все трое – косяком.
Из вольных, волглых, выпуклых теней
Творил туман размеров несусветных
Летучих крыс, повисших меж ветвей,
Бродящих за кустами упырей,
Пронзительно визжащих, окрыленных
Зародышей, невинно убиенных
В неблагоприятном чреве матерей.
А сколько надо мной склонялось мертвых,
До смерти в вере праведной не твердых, –
Всех тех, кого коснулась злоба дней,
Забывших предков, плохо погребенных,
От правнуков стыдливо утаенных,
Без памяти о коих мы бедней.
А сколько было просто волколаков
И китоврасов в близком далеке,
Разбойных соловьев, свистящих раков,
Утопленниц, чей цвет отнюдь не маков...
Вон хмурый тать, нож в каменной руке...
Вон ведьма понеслась на индюке...
Бесстыжая красавица, однако!
Все льнуло, лепетало, холодило
Прыжками жаб, скольжением ужей...
Я весь – как двуединая мишень!
И воля душу с телом помирила,
И, что скрывать, не в первый раз уже.
И тело, как всегда, клялось душе,
Что уз их не расторгнет и могила.
...Туман звенел кощеевой казней,
Плясали девы облачные – вилы.
Невесть откуда, сам себе немилый,
Трусил дождишко мелкий – сеногной...
Но небо прозревало белизной,
Чем поначалу даже удивило...
А мальчик все манил меня, манил,
Неся на переносице гнилушку,

Он трижды наводил на ту избушку!
Да, знать, и хутор чары сохранил, –
Пока не вывел прямо на опушку
И тут пропал, а я лишился сил...
Я встал на узкой травной полосе,
Увидев незапамятное что-то.
Мой рот сводила странная зевота,
Надежда отлетала насовсем:
Передо мной во всей своей красе
Дымилось бесконечное болото.
...А на опушке, в водяной пыли,
Не ведая ничуть о пасторали,
Купальницы без устали играли
В пятнашки, им кивали упыри...
А ландыши давно уж отцвели.
Как пахнуть они в мае постарались!
Русалки юность черпали в росе.
В ракитнике возился коростель...
Так вот куда завел коварный малый!
Похоже, здесь растет цветочек алый...
Жук пробовал коробку скоростей,
С деревьев важно падала капель,
Храня в себе и яхонты и лалы.
Заухал филин – мрачный лицедей,
А запахи от светлой медуницы –
Что кружево бессонной кружевницы...
Гусей бы мне, залетных лебедей!
...Из плеч пытаюсь голову извлечь,
Я отвлекался, в правду не вникая:
Все совместимо – и беда лихая,
И внешне с ней не связанная речь.
Я двинулся. Вот первый шаг. Второй...
О, если б отгадать лесной пароль!
Но где-то, к состраданию глухая,
Взвопила выпь, несчастье накликаю,
Лягушки поперхнулись мошкаркой.
...Среди коряг с осклизлою корой,
Среди коры, давно уже бестелой,
Предутренняя изморось блестела
Текучею сиреневой горой.
И ржавый месяц падал, падал, падал
На хворый лес, пылая без тепла,
И два косых распластанных крыла –
Как знаменье нетронутого клада...
И проступила пьяная трава,
Звезчатка, с вероникой синей вкупе...
Кто знает их, куда, в какие глубины
Ведет меж ними вязкая тропа?
Задором одурманит и погубит...
И проступила белая ольха,
Вся в рубище, слезлива и горька,
Старушечкою с носиком утиным,

Синюшкою в платочке паутинном,
В перчатых рукавичках мягче мха.
И легкими касаньями незрячей
Отрогала меня, мой лоб горячий
Оплакала, глаза омыла мне,
Лохмотьями овеяла устало,
Несвязно, суетливо ошептала
И с миром отпустила – к полынье.
Внезапно осененный синевою,
Отпрянул прочь... И холод за спиной,
И хлюпкое хихиканье трясины –
И, падая на скользкие лесины,
В падении увидел над собой
Иную синь, в ней – вниз, от середины –
Денницы туесок берестяной...
Вдруг вспышка. Боль. И боле – ничего.
Один туман... Но вот он покачнулся.
Поплыл. Плыву.

Не сбиться б только с курса!..

Очнулся я не скоро, не легко.
Но – что важнее, кажется всего –
Совсем не сознавая, что очнулся.
Не подивился, что сидел на пне,
Что приподняться не хватало духу,
Что весь в грязи...

Тростник забрался в руку –
В кулак – причудой, непонятной мне...
Что месяц отражался в том окне,
В которое я, стало быть, не рухнул,
Что музыка...

А может быть, не стоит
О музыке? Да ладно! Извини,
Мой старый лес, стремившийся в зенит,
Благослови сияющей листвою.
Сначала я подумал: так, пустое.
Наверно, в голове моей звенит...
Нет... Музыка! Из самых недр земли,
В которых я доселе слышал хрипы
Одни да сердце старившие всхлипы, –
Росла она... Какая? В той дали
Как будто вместе рядом зацвели
Фиалки, колокольчики и липы.
Такая... В ней, казалось, разбегись –
И полетишь шмелем или пчелою
Над прелью, над сосновую смолою.
В ней братья мне и дятлы, и стрижи.
В ней с полной сказок торбой расписною
Я продирался чащею лесною –
К ней! – всю свою отснившуюся жизнь.
Читал ли я иль слышал где давно?
Не помню – все еще в плену тумана:
"Мечта, обретши плоть, не столь желанна!"

По мне ж: сама мечта была с бельмом.
Моя же!.. Вскинул руки над окном
Болотным и... за ним увидел Пана!
Насупротив меня. Недалеко.
Над бездной, ровной к мужеству и страху.
С седых усов не стряхивая брагу
Росы, сидел он вольно, широко...
Как раньше не заметил я его?
Должно быть, сдуру принял за корягу.
Спокойствие из глаз его лилось,
Из голубых, по-молодому вешних, –
Не довелось мне видеть глаз безгрешней!
Так мог смотреть голубоглазый лось...
Из этих глаз, смотревших как-то врозь,
Один был строг, другой – почти насмешлив.
Пан спрашивал: пошто в его удел?
Заставы как прошел я и сторожи?
Далёко ль путь держу по бездорожью?
Взгляд спрашивал. И я был странно смел.
И отвечал. А сам деревенел,
Сам чувствовал, что становлюсь все тверже.
И потому я с ним и не был нем,
Что перестал бояться, не был прежний...
И Пан ко мне как будто был не в н е ш н и й ,
Что трудно постижимо, вместе с тем...
Так, собственно, куда я и зачем?
Так вырвалось. Я не придумал срочно.
Мой ум не отвлекался никогда
На связи: голод, жажда – хлеб, вода,
Что, очевидно, думалось порочно.
...Я – з д е ш н и й !

Как естественно и прочно...

Я изумился. Я захохотал.
И Пан зашелся – грохнув, как с небес, –
От внутреннего рокота и гула...
И вдруг его как будто ветром сдуло:
В лице переменился и исчез...
А смех остался. Колыхался лес.
С болота остро прелью потянуло.
Я приуныл. "Шуткует хитрый бес!" –
Так вслух сказал. И, словно на три слова,
Передо мной он появился снова.
Я хохотнул. И он опять исчез!
Все это вызывало интерес...
Тогда я пригрозил ему сурово –
Для опыта...

Он повторил мой жест!

Да! Он был я... "Какие пустяки!" –
Я даже усмехнулся ледовито,
Но все же огляделся деловито:
Хм, на щеках – лишайники и мхи,
А на ногах уже не сапоги,

А добрые лосиные копыта.
И стар я был, как небо и земля,
И не было той старости научней!
Вот эти руки, страстные, как сучья,
В руках – свирель. В ней – музыка моя!
И юн я был: дождем входил в поля,
Ведь был июнь, за утром день пахучий!
Я засмеялся не без торжества,
Довольный новым обликом и здоровьем,
И для меня же смех мой был лекарством,
Оградю от злого шутовства.
За чувство беспредельного родства
Мой русский лес венчал меня на царство!

Для разума меня, конечно, нет –
Я сгинул в зыбуне антиутопий...
Утробный смех гремит в моей утробе:
Невероятный, сказочный навет!
Я есть. Я – Пан! – лесов моих поэт,
Моих лугов и непролазных топей!

Лишь здесь я волен жить, как я хочу!
А жить я не хочу, мне жить – охота!
Неистово! И дебри, и болота
Мне не позволят жизнь свести вничью.
Я – здешний. Я от мира здешних чувств.
Я вездесущ, с ногами скорохода.

И в ведро – среди самых белых дней –
И в непогодь, когда дожди на марше,
Я видим тем, кто музыкой украшен,
И на зеленом языке ветвей
Им говорю: "Я – младший брат детей,
Но... взрослых я немножечко постарше".

Чу: с неба гуси-лебеди звенят!
Мне певчий дрозд подсказывает темы
Зари... Так пусть леса не будут немые.
Я здесь, моя пернатая родня!

О, как легко счастливого меня
Они выносят из стихов в поэмы!

Порог

Встал, оглянувшись в одночасье,
А жизнь – по-прежнему секрет...
У твоего порога, счастье,
Я протоптался тридцать лет!

И я не знал, что у порога!

Что дождь и пыль добры ко мне...
Пророкам счастье было соком,
Освобожденным из камней,

Свободой, пахнущею плахой,
Мечом, костром и верным псом,
Врагом, чернеющим от страха,
И человеческим лицом...

Оно приходит лишь однажды,
В ночи под пулями Стожар.
И спросишь вдруг себя: ты жаждал?
Ты голодал? Ты уставал?
Оно поднимет в грозном танце.
Оно швырнет в бескрайний круг.
И ты войдешь в его пространство,
Через себя перешагнув.

Тень

Не наступай на тень свою.
И не топчи ее. Не надо.
Ведь и под пулями в бою
Она с тобой проходит рядом.

Не презирай ее, хотя
Она легла тебе под ноги.
Она и совесть, и судья,
И добрый компас одиноким.

Вглядись в нее: она чиста
В грязи, в крови, как правый воин.
Она расскажет, кем ты стал
И что потеряно тобою.

И не вступай с ней в скучный спор.
Нахмурясь праведно и грозно,
За свой суровый приговор
Она в ответе перед солнцем.

О, сколько делаем мы зла
От опрометчивых суждений,
Поставив во главу угла
Непогрешимость общих мнений.
Что нас разнит от дикарей,
Как в букваре, как в детской сказке,
Мы мажем черной, белой краской,
Боясь прослыть за бунтарей.

И этот страх неизлечим –
Он в нас присутствует незримо.
Мой бог! Как мудро мы молчим,
Когда сказать необходимо.
Молчанье – золото, ему
Здесь меры нет – нельзя быть тише...
Благонамеренные мыши...
Как мы мудры – не по уму!

Памяти Артюра Рембо

Когда займется заря, мы, вооруженные пламенным
терпением, вступим в великолепные города.

Ж.-А. Рембо

Город. Вокруг стены и стены.
Надвигаются и сжимают.
Обволакивают постепенно
И, угрюмые, угрожают!
Город. Вокруг стены и стены.

Слизь зеленая тротуаров.
Дождь – внакидку на голых ветках.
Дождь метет молодых и старых,
Очищая зловонную клетку,
Слизь зеленую с тротуаров.

Вечер. У кафе проститутка.
Котелки проплывают мимо –
Только ветер схватил за юбку,
А ведь он не даст ни сантиметра...
Вечер. У кафе проститутка.

На столе – бутылки, стаканы.
Сюртуки и в пудре и в пепле.
Мне понятно, зачем я пьяный
Задыхаюсь в дыму, как в петле!
На столе – бутылки, стаканы.

У Мадлен на губах гвоздики,
Платье – цвет боевого флага, –
Только я не могу постигнуть,
Почему мне хочется плакать?
У Мадлен на губах гвоздики.

А кругом суетятся пятна,
Шевелятся липкие звуки,
И не скрипки скрипят, а внятно –
Животы, и плечи, и руки.
А кругом суетятся пятна.

"Я прочту вам стихи!" – "Тише! Тише!"

Тусклым смрадом качнулась зала.
"Я теперь ваших морд не вижу
За одним огромным оскалом.
"Я прочту вам стихи!" – "Тише! Тише!"

"Вновь займется заря творенья.
Рухнут стены гнилых колодцев.
Силой пламенного творенья
Мы достигнем Города Солнца!
Да займется заря творенья!"

Настроение в стиле Коро

Великодушная погода –
Как степь ковыльная гладка,
И эта мягкость небосвода
От оренбургского платка.

Нет в этом сумраке изъяна,
Цветных смущающих затей, –
Один лишь козий пух тумана
В размытых контурах ветвей.

И чуток вольный ритм растений –
Какое чувство кривизны
Пространства! Сизый свет рассеян...
Дома, как пепельные сны,

Над пустырями... Слух разгружен...
Приспущен дым... И всплески ласт
Не разбирающего лужи,
В февральский врезанные наст.

Вдруг отпустило то, что мнилось,
Не разрушая, не маня, –
Так этой оттепели милость
Распространилась на меня.

Ничто в сознание не дробится –
Так одинаково странны
И влажный рельс, и голос птицы,
И сам себе со стороны.

Чуть серебриста по звучанью
Зимы последняя ступень,
Уравновешенный печалью
Неторопливый лунный день –

Весь отрешенность, весь истома,
Без иступленных аллилуй,
Как медленный разряд без грома,

Как долгий, долгий поцелуй.

Венецианская школа

Я вернусь к вам мессеры, лишь на стеклах заплещется медь,
В час, когда облака возвращаются

медленным стадом.

Вот закончу с посольством, так уж время найду умереть,
И на этот раз в веке по счету, условно,

двадцатом.

Дон Вечеллио, к вам я!

К вам, дон Пьетро! К вам Татти, спешу!

За кормой – Порто-Лидо, вдали – рукава и манжеты
Шитых солнцем каналов, и рассеянный брызгами шум,
И размеренный рокот под сводами нашей Лоджетты.

Гондольеру накиньте – пусть для песен омоет гортань:

В багаже моем грусть, а она тяжелее урана.

Я в Московии зимней видел в окнах алмазную грань,

О какой и не знают, и ведать не будут в Мурано.

Не один я, дон Пьетро... Но зачем же впадать в эпатаж?

Эта белая дама в пристрастье моем

неповинна.

Полно, мой Аретино, не терзайте глазами корсаж...

Помогите взойти ей на пристань, сеньор Сансовино.

А теперь погодите... Дон Вечеллио, вот и я сам...

Я вернулся к вам, padre... Я знаю мечты утоление:

В зыбком золоте полдня напишите ее, Тициан!

И меня – синей мухой, что спит у нее на колене.

Я уплываю по теченью

Прохлады мартовского дня,

Я вспоминаю Боттичелли,

Когда ты смотришь на меня,

И вижу воздуха текучесть,

Качанье талого стебля,

И дую в раковину, мучась

Губами выразить тебя.

Венок сонетов

Как вы прекрасны были, вы поймете,
Любимая!... Кого из лебедей
Минует время, вырастив детей,
Застыть на миг в своем слепом полете

И в этот миг прозрения упасть?..
А вам не знать безвольного паденья!
Вам не грозят ни камни, ни забвенья,
Вас не поглотит яростная пасть

Отчаянья. Я подхватчу вас, выше
Вас подниму. Я – тот алхимик рыжий,
Что вам поможет молодость вернуть,

Откроет к ней неведомые двери...
Так почему ж вам в это не поверить –
Не сразу, не теперь, когда-нибудь?

2

Не сразу, не теперь, когда-нибудь.
Не в это, а в другое время года
Вы вспомните меня, как антипода,
Хотя бы потому, что жизни суть –

В единстве. Притягательная сила
Моей любви настигнет вас в ночи,
Расширит ваши спящие зрачки
И поразит, как нынче удивила.

Настанет утро. Стены разойдутся.
Лучи о стекла звонко разобьются,
Как сердце разбивается о грудь,

И примете вы ласку издалёка –
Она придет, легка и одинока,
Позвольте мне тогда на вас взглянуть.

3

Позвольте мне тогда на вас взглянуть.
Висков не постесняйтесь убеленных –
Ведь мрамор не пугал Пигмалионов,
И времени морщинистая муть

Передо мной бессильна. Я вас прежней
Увижу, изваяю, воссоздам.
Дыханье дам цветочное губам
И цвет опавшей с дерева черешни.

И прежняя вы будете всегда
Всем будущим, всем странствующим – та,

Как Беатриче, бабочкой в полете

Земного счастья – женского тепла,
Вставая в рост, как музыка – светла,
Из книжки в камышовом переплете.

4

Из книжки в камышовом переплете...
Представьте, что такая книжка есть! –
И если в ней не озеро, а лесь,
Как посуху ее вы перейдете,

Ведь лесь – мелка. Какая в ней корысть?
Когда б вас было лишним приукрасить:
Вы очевидны, как весенний праздник,
Как воплощенье слова "обернись!" –

Нет, утренней звездой среди созвездий
Вам в озере всплывать! И с ними вместе
Вам утешать любивших без вины

И укрывать уставших от погони...
Я вынес вас в сияющих ладонях
Из бережной озерной глубины.

5

Из бережной озерной глубины,
Из бересты вы созданы – я знаю,
Как эхо дня – проталина лесная
В купавках, ожидающих луны, –

Их влажный свет и звон их отдаленный –
Светящееся звонкое руно...
И я нашел, что вы давным-давно
И в росте трав и мхов густо-зеленых.

О вас ли это милая? О вас!
Ведь есть леса, исполненные глаз,
Вниманием распахнутые вежды
Моей непритязательной любви...
Но как неизмеримо выше вы
Моих стихов, вам посвященных прежде.

6

Моих стихов, вам посвященных прежде,
Я не писал, я их растил в душе
Кристаллами, и вот они уже –
Светил и тяжелей, и центробежней.

Я – проще их. Я просто вас люблю...
И вы просты, наверное, кому-то.
Но вы ему – не более уюта! –
Хоть это много: пристань кораблю.

Меня влечет не ваша простота –
Я вас люблю, и мне вы просто та,
Которая встречается все реже,

Которая мелодия, и ритм,
И Возрожденье... За прибором рифм
Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит!

7

Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит,
Как сквозь туман летучая луна,
Как чувства над равнинами ума –
Часовнями седого Заонежья.

Вы были для меня одной из них,
Вы так же серебрились над равниной
И грели мир улыбкою старинной
Причелин, полотенец кружевных,

И восковых, и теплых, и текучих...
И я, как в небо, по незримым кручам
Сомнений, что превыше вышины,

Стремился к вам. И вещьность обретали –
И руки, что меня не обнимали,
И губы, что не мне озарены!

8

И губы, что не мне озарены,
Откроются кощунственно-правдиво.
И руки потекут нетерпеливо
Вдоль рук моих. И голосом жены –

Невесты и любовницы желанней –
Вы скажете спокойно: "Я ждала,
Как воскресений ждут колокола...
Уже не ждут? Но, ведь известно, ждали.

Так я ждала. Так ждет средневеково
К порогу пригвожденная подкова,
Так моря ждет бегущая вода,

Так солнцем бредит Север полуночный,
Так семя ищет неба в черной почве! –
Я стану вашим зеркалом тогда..."

9

Я стану вашим зеркалом тогда.
Внимательней взгляните в отражение:
В нем старости и смерти поражение
Перед лицом апрельского суда.

В нем радостно-призывный ветер юга.
И в тонком половодье тонет лед.
И юный мир на цыпочках встает
И тянется – тугой после недуга.

Апрель. Апрель! Ваш образ вписан в месяц,
В котором только счастье что-то весит,
А прочее – легко, как никогда.

Он – с вами, что случается не с каждым.
И он вам не изменит, если даже
В холодной синеве пройдут года.

10

В холодной синеве пройдут года.
Бессонно. Торжествуя или мучась.
Встречать из ниоткуда наша участь
И провожать их снова в никуда.

Поэтов участь. наших песен русла
Не высыхают, полные любви.
Но мы совсем не баловни судьбы:
Ведь плакать и смеяться – не искусство.

Предтечи неосознанных идей,
Нам воспевать и отпевать друзей
И колыхать чужие колыбели,

Вся наша жизнь – мерцание минут...
Любимая, так пусть о вас прочтут
И отдадут вам все, чем вы владели.

11

И отдадут вам все, чем вы владели,
Весна и осень, лето и зима.
Какого вы тончайшего письма!
Какая тишь разлита в акварели!

И вы идете этой тишине.
О, как же вы по тишине идете! –
В любом невольном вашем повороте
Еще глава о любящих во сне.

И в яви сна я видел и запомнил
И стонущий кордовский пылкий полдень,
И пестрый гам кочующей толпы,

И за чередой видений не из важных –
Мой невский город, и серьезных ваших
Глаз тишину, достойную молвы.

12

Глаз тишину, достойную молвы,
Не заслонят пустые славословья,
Ни сластолюбье – ложное здоровье,
Ни ложный стыд – сказать, что были вы!

И я любил вас. Вами был пронизан,
Но не разрушен праздно, не разъят –
Так дерево на кровле бытия
Скрепляет камни старого карниза...

Я вам обязан тем, что я вас встретил.
Все остальное мне приносит ветер –
И шорох туч, и запахи травы,

И светлые, и темные знаменья...
Но нет! Ничто ваш профиль не заменит
И гордую посадку головы.

13

И гордую посадку головы
Природа не дарит без размышлений.
И ею, чуждой мелких ухищрений,
Не всякий взыскан. Мы не таковы,

И те, кто нами избраны, случайны,
Как правило, и нам жестоко мстят...
Вы не из тех. Вы – мой летящий стяг,
Развернутый закатными лучами.

Сравнений я для вас не выбирал,
Они срывались с быстрого пера –
Других бы вы, конечно, не хотели.

Простите мне, что я вам преподнес
Тревогу замерзающих берез
И замкнутую бледность асфоделей.

14

И замкнутую бледность асфоделей,

Как оберег от злого колдовства,
Примите в память нашего родства,
Чтоб ваши губы не похолодели,

Не ровен час. Останьтесь же со мной
В моей стране, что так на вас похожа.
Мы будем с вами тенью придорожной
Палящим летом и огнем зимой.

Все повторится. И любовь... Опять!
И чей-то голос будет замирать
На самой что ни есть высокой ноте.

И вот, когда в потоке лучших слов
Уловите вы горечь этих строф,
Как вы прекрасны были, вы поймете.

15

Как вы прекрасны были, вы поймете
Не сразу, не теперь, когда-нибудь...
Позвольте мне тогда на вас взглянуть
Из книжки в камышовом переплете,

Из бережной озерной глубины
Моих стихов, вам посвященных прежде.
Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит,
И губы, что не мне озарены.

Я стану вашим зеркалом тогда.
В холодной синеве пройдут года
И отдадут вам все, чем вы владели:

Глаз тишину, достойную молвы,
И гордую посадку головы,
И замкнутую бледность асфоделей.

В час закатный, суеверный,
В заповедные поры
Приходи к воде под вербы
Слушать тайные хоры.

Слушай трав и листьев гуды –
О твоей поют судьбе...
У тебя т а к и е губы!
Что ты знаешь о себе?

Ведь соскучилась по ласке –
Слушай донник с чабрецом:

Богородицей казанской
Наклони ко мне лицо.

Слушай: истина пристрастна
И жива любовью лишь –
В ризе ночи ты прекрасна,
В светлом трепете стоишь.

Ты меня без страха слушай,
Трепещи не от стыда,
Ты не по воду – по душу
По мою пришла сюда.

Звонкий звон во всей округе,
Ясны стеклышки огня...
У тебя т а к и е руки!
Возложи их на меня.

Ты поцарствуй этим летом
От зари и до зари.
Ты поверь в себя... Хоть в этом –
Не в другом уговори:

Что родилась, мол, не даром
Я средь маковых полей,
Ветры, полные нектаром,
Ищут нежности моей.

Верю, речь твоя – не сводня,
Верю в вербы отступя,
Что прекрасна я сегодня
Для бесстыдного тебя.

Как незаметно день проходит...
И вдруг внезапно – только ночь!
Ты в ней себя сосредоточь,
Ты к ней готовься, как к охоте.

Она придет – и ты падешь,
Как всем предписано когда-то.
Не усмехайся виновато:
И жизнь не ложь, и смерть не ложь.

И, как по Ветхому завету,
Всходя за ночь на сотни плах,
Ты победишь свой рабий страх,
Все силы выплеснув к рассвету.

А ночь без страха – только ночь:

Она тебя уже не мучит.
В последний миг жалея живущих,
На них любовь сосредоточь.

Они боятся за себя.
Их оплетает неизвестность –
Ведь смерть провидится им бездной
За черным ходом бытия.

А ты летишь! Где верх? Где низ?
Тебе, как в космосе, не важно.
Вот истина! – тебе не страшно,
Ты получил сто тысяч виз!

Неся в глазах земного дня
Вдаль отлетающую точку,
Ты бросишь смерти – оболочку
И крикнешь: "Ночь, бери меня!"

Дон Жуан

Все клевета!.. И то, что мне неведом
Ни стыд, ни страх – два тонких вещества,
Эфир души живого существа...
Так есть я или нет меня? Суть – в этом.

И то, что с бездной связанный обетом,
Я соблазнил трех дам – блажит молва –
Сверх тысячи, имеющей права
Кичиться вслух подобным же секретом.

Не мне провозглашать себя аскетом –
Я не был им. Я жил томимый светом
Предчувствия – не явью – божества.

О том и пел... Не хвастайте сонетом.
Он – не о вас. Он выстрадан поэтом.
В нем каждый стих превыше естества.

Донья Анна

Я, донья Анна, я тебя убила,
Как мне велел мой добрый духовник...
Потом сказал он: подвиг столь велик,
Что я свой грех с лихвою искупила.

Гроза провалы ночи углубила –
Тебя ждала... Но на постыдный миг
Яд опоздал, и твой предсмертный крик
Я приняла, когда уж уступила...

Тут молния как будто подрубила
Устои неба – леденящий блик!..
Кого же я так долго не любила?!

И в нарастанье грохота возник
В твоих зрачках мой иступленный лик...
Ты выпил все, а я – лишь пригубила.

Лепорелло

Как часто говорил он: "Лепорелло,
Вновь зеленеет утро, запах свеж,
Вон съерра на пути моих надежд,
Вон облачко над ней зарозовело..."

"Сеньор мой, – подхвачу, – святое дело!
Вон дерево, под ним кострища плешь.
Вам в самый раз сказать: налей! Нарезь!
Чтоб наша снедь без нас не сиротела..."

С тех пор намного ль солнце постарело!
А он переступил земной рубеж...
И я свое донашиваю тело...

Но лишь опустишь веки – как сквозь брешь:
Оливковое небо, птиц мятеж,
И конь его плывет в тумане белом!..

Дон Ильдефонсо, иезуит

Выходит, есть и те, кто верит в яд?
Не возражаю – не имею права:
Земное – перед вечностью – отравя,
Апостольский неискаженный взгляд...

И не прелюбодей он, говорят?..
Да, простота и вправду не лукава!
Тогда ответьте: чья ж дурная слава
Вас обелит у чистых райских врат?

Допустим, он ни в чем не виноват.
Какая ж ваших милых ждет расправа?
Ведь птичий грех предстанет как разврат...

И здесь-то чародейство – сущий клад
Прощений: ибо там, где всем забава,
Лишь дон Жуан – за всех – увидит ад.

Дон Диего, живописец

Ему грозил святейший трибунал
За недостаток веры – вот причина
Того, что он пропал. Равно кончина –
Изгнание или пыточный подвал...

А нам, невинным, – черт бы нас побрал! –
Подбросили, что он был кобелина,
Перед которым даже Мессалина –
Порядочности строгий идеал.

Подобный метод выше всех похвал!
Озlobив рогоносца-семьянина
До визга: "Что же власть!..
Где ж дисциплина!" –

Явить душеспасительный финал.
...Но как на эту удочку попал
Почтеннейший дон Тирсо де Молина?!

Дон Фернандо, профессор из Саламанки

Все сущее имеет свой предел
И не перечит заданной природе;
Так в семени, и в завязи, и в плоде
Очерчен круг разумных дум и дел.

Преступен тот, кто не по праву смел,
Как Фаэтон языческих рапсодий,
Не удержавший солнечных поводий,
Мир опаливший, прежде чем сгорел!

Бесчисленно несчастий в этом роде –
Для их ночных имен на небосводе
Давно уже не сыщешь звездных тел,

Немыслим также в ересьх пробел...
Но... Дон Жуан пришел и восхотел
Прорваться через ж е н щ и н у
к свободе!

Сын дон Жуана

Что за судьба – быть сыном дон Жуана,
Скрывать свой герб, наследственную статью,
Молиться богу, с женщиною спать,
Которая сварлива и жеманна.

А между тем я помню постоянно,

Как не к лицу мне эта благодать,
И на меня с презреньем смотрит мать,
Единственная в мире донья Анна.

Родитель проклят... Но ведь нет обмана,
Где нет любви... А полюбив неожиданно,
Он отдал все... И, словно время вспять,

Я слышу крик сквозь вопли урагана,
Сметающего звезды: Ты – ж е л а н н а !..
Пусть оживают камни, мне – плевать!

ГОСТЕПРИИМСТВО

Вместо эпитафии

Живу. Живу! – не существую.
Тебе, Земля, мой красный стих:
Люблю твою одну шестую –
Во имя всех шести шестых!

Небо в глубоких колодцах,
Эхо – многоголосно.
Дорога, рябая от солнца,
В петли вплетала сосны.

Пела черничная россыпь
Радужною капелью.
Дорога бежала кроссы,
Пахла дождем и прелью.

На языке сравнение вертится,
Боюсь лишь, будет ли удачно –
Ведь ты как вишневое деревце,
И тень души твоей прозрачна!

17/VII 1961 г.

Из сказки, изящной для взрослых,
Где пахнет трава земляникой,
Где синие розы – так просто, –
Была ты зеленой гвоздикой.

Как в сказке, набрел я случайно,
Увидел и высушил душу...
Душистая хрупкая тайна –
И кто разгадает – разрушит.
31/VII 1961 г.

Не обижайтесь, милая и грустная.
Все веточки у деревца не лишние,
И я хочу, чтоб ни одна не хрустнула,
И белые цветы сменила вишнями.

Вишневое, молоденькое деревце –
Не правда ли, как сказочная девица?
3/VIII 1961 г.

Природа не боится повторений:
Вас Врубель выдумал, но он не подождал.
А я дождался вас – в вас дух его сирени,
Ночная песня майского дождя.

Романтика! Как вам она пристала!
Я с Грином разделю вас пополам.
Я слышу колокол, зовущий звон металла,
Ведь это вы бежите по волнам!
3/VIII 1961 г.

Когда Вы первый раз войдете в море,
Я буду с Вами.
И волны вынесут нас вскоре
На теплый камень.

Мы будем петь на этом камне
О дальних странах,
О мире молодости давней,
О капитанах.

Пигмалион влюблен так не был
В прообраз Женщин –
Вы – в синей раковине неба
Прозрачный жемчуг!

Зову я родиной своей
Огромный лес,
Зеленый лес,
Где даже в полдень
Тень ветвей
Простерлась до
Небес,
Где полночь звездами
Горит,
Где жизнь берут
как приз,
Где даже
 падающий лист
О многом говорит.
Бесшумна смерть.
Кругом зверье
И каждому
Свой час.
Калилось мужество
 мое
В кострах их
 желтых глаз.

Желая, надеясь и смея —
Ведь жизнь все равно не делима —
Люблю вашу молодость, Леля,
Как что-то, прошедшее мимо.

Тяжелой и длинной, как поезд,
Проносится жизнь без оглядки. —
Такая тоскливая повесть —
Холодные яйца всмятку.

На желтом берегу
 незримого залива
Я мог бы чувствовать
 себя вполне счастливым,
Когда б на радостью
 исполненный вопрос
Безжалостно не сморщили вы нос!

Фантазия

Будет ли близок мне этот берег?
Много ли нужно воли и сил?
Дошел до знакомой двери
И позвонил.

А дальше? Ждать, никуда не глядя,
С рвущимся сердцем щелк замка.
Это ты. Твое темное платье.
Твоя рука.

Говорить больно, но очень нужно.
Смотрю не в глаза, а на сжатые губы.
Из-под воротника кружево...
Молчу... глупо...

Рука держит дверь. Что если захлопнет...
Все расплывается – снова один.
Что я хотел сказать? Не помню.
Постой! Не уходи!

Слышу твой голос сквозь странный гул
Что же это я ей говорил?
Больше я молчать не могу,
Я люблю...

А дальше? Как на широком экране,
Крупным планом встает другое.
Кажется, слышу заранее:
– Оставь
 меня
 в покое!

Или без слов: дверь колеблется еле.
Закреть или нет? Одно неизбежно
Осталось: очень узкая щель
Для надежды.

Каменный пол. Гладкий-прегладкий,
Отшлифован множеством ног.
Ты в квартире. Я на площадке.
Между нами – порог.

Только пойми: Ты мне не чужая.
Я не проситель! Тоже пойми.
Голову вскинул. Глаза не мигая
Впились в твои.

А дальше?

Письмо в Сан-Франциско

Боярышня, куда же Вас забросило?
Глаза у Вас, как черная смородина,
И, может быть, от неба с грустной просинью...
Вы помните по-русски слово "Родина"?

И носите Вы имя будто русское,
И щечки – снег весенний, нежно-розовый,
И руки, строго писанные, узкие,
По венам-веточкам струится сок березовый.

Боярышня, куда же Вас забросило?
Что Вам в России-матушке наскучило
Той краткой и величественной осенью?
Ведь кроме предков есть другое, лучшее...

Ведь Родину с родней не надо смешивать –
Мы тоже для истории не лошади,
Но наши предки на кронверке вешаны
За то, что были на Сенатской площади!

Боярышня, куда же Вас забросило?
Вы кажитесь такую странно-близкою,
Вся пахнувшая утренними росами,
Своя Вы вся под небом сан-францисковым.

Что делаете Вы в чужой Америке?
У Вас не пробудится дума смелая?
Вернитесь к малахитовому берегу,
Черемуха серебряная, белая!..

22/1 – 60 г. Ленинград

Проект

Высота сведет меня с ума –
Я люблю высотные дома...
В глубине прозрачного стола
Над заливом белая скала,
Звезды поднимают якоря,
В гранях дома – море и заря,
А внизу пустынная с утра
Эспланада имени Петра.
Ивы розовеют на ветру.
Горизонт в лесах фабричных труб,
Под скалою лайнер-леденец,
От Кронштадта близится "купец".
Виден Исаакий, виден док –
Не нужны ни Рио, ни Гонконг.

Рождение поэмы

Стихи придут не сразу...

Поначалу

Все кажется бесцветным,

серым,

мелким...

Когда-то принца Гамлета спросили:

– Что ты читаешь, принц? – и он ответил:

– Слова,

слова,

слова... –

Не много их осталось –

таких, что не останутся словами

И нас переживут.

Поэт открыл глаза...

Стихи придут не сразу...

А сколько нужно свежести,

таланта,

Чтобы вложить в безмолвные слова

так много оживляющего чувства!

...Вот комнату заполнила толпа

Противоречий,

мнений,

отрицаний,

отдельных слов –

Все это –

в беспорядке...

Бесшумно подступают ближе,

ближе...!

Прислушайтесь...

заговорили буквы!

Здесь буква "а" поет победный марш!

Там "б" откликнулось

гремучим барабаном!

Смеется "о"!

По-волчьему воеет "у"!

"Шшш" – тишь

или

шипение гадюки...

О, суматоха букв!..

Но вот уже слова,

окрашенные в разные оттенки,

Куда ни глянь –

огромные пространства

Облеплены кристаллами –

словами!

От горизонта

прямо,

вверх,

направо...

И под землей –

езде слова наверно...

Вот "месть" –

кровотоцит...
 Восходит солнце, "счастье"!..
 "Рассвет"...
 я вижу очертанья сосен...
 Пурпурный дым...

Здесь капельку крапп-лака
 и розовой...

А дальше охра
 позолотит вершины
 И лазурь
 покроев небо
 ровно и прозрачно!

А "бегство"? –
 месит грязь
 копытами коней

И пляшут перепуганные тени...
 – Нас настигают! Слышишь?
 За спиной

Дыхание врагов!..
 И снова все – один порыв и вихрь,
 И только зелень луж сверкает серебром
 на вспаханной дороге.

"Любовь" – ведь это гимн!
 Мгновение и вечность – в одном!

Не для сонетов – нет,
 и не для рифм,
 которых, к счастью, мало.

Когда я от тебя услышал Слово,
 Я ощутил его забытый смысл:
 Оно ни в фоне Гейнсборо, Коро,
 Ни в грациях мечтательных Кановы –
 Сентиментальный сон –
 не то, совсем не то!

В смятении лиан,
 в тревожном крике птицы,

Я в пене освежающей Родена
 И в пятнах необузданных Ван-Гога
 Увидел притаившуюся страсть!
 Немного музыки!
 Нет! Это мало, мало!..
 Здесь тоном выше! Скрипки! –
 вас не слышно!

Пусть теоремой говорящих линий,
 Бессмыслицей сложнейших сочетаний
 Предстанет вихрь пьянящего экстаза
 поэмы Скрябина!

Здесь нужен гений
 таких мятежников,
 Таких фантастов,
 как Паганини,
 чтобы обжигал

Сноп искр гигантского костра импровизаций!
Пусть сердце бьет в набат! –
 вы чувствуете это?
 Любовь!

Глаза опять ощупывают Слово.
И вот явилось новой
 яркой гранью
И предо мной звучащая картина:
Шатры и степь.
 Река змеится кровью
От раненого солнца.
 Вечереет.
Вдруг – барабаны.
 Бубны.
 Флейты.
 Хор.
И закружилось все
 самозабвенно...
Мужчины, женщины
 сплелись в безумном танце
Среди равнины дикой и безмолвной!
А музыка быстрее!
 Песня шире!
 Движенья ускользают
 от сознания!

Быстрее!
 Быстрее!
 Быстрее же!..
Здесь –
 творчества начало и конец!
Как яркое слово разбуденного Слова!
Оно созрело.
 Тяжелее камня.
Оно наполнит рот,
 глаза и уши.
Слова, слова! –
 оруженосцы мыслей!
Из мыслей строки.
 Строки наступают...
Симфония картин,
 звонящих звуков!
Искусство! – вот оно
 Рождение поэмы.

Старый Крым

Вы – с глазами апрельскими талыми
Грин...
Мы с вами случайно не встретились.
А паруса действительно алыми
Были?

Или вы просто бредили
Алым бредом?..
Ваш бред вакантный:
Ныне не бредят от тифа и голода...
Ваш голос, как юнга, взлетал по вантам
В алое зарево бредящей кометы...
Солнце. И сосны. И много озона.
И моря много. И много Боли. –
И утро густело в зрачках бессонных
В хрупкую странность Вашей Асоли.
Рыцарь, для Вас мне чести не жалко –
Жизни разве Вы не были в рифму,
Когда шатаясь,
Волшебной палкой
Шли к столу?!
Эмбрион Вы небритый...
Добрый Алонзо Кехана –
По-русски:
Александр Степаныч, а я –
Ваш Панса.
Так дайте мне Ваши мельницы-руки.
Дайте сниму с Вас панцирь испанца!..
Я люблю Ваши щеки, как небо – впалые,
Ваше солнце, которое мокро и солоно,
Был "Секрет" – Ваша птица алая,
Столетием окольцованная.

Полдень

Над Араратом небо чистое:
Дождя не будет, хоть умри!
Деревья наклонились листьями
К устам измученной земли.

И полдень вовсе не мечтательный –
Под гнетом запыленных смальт
Усеял черными печатями
Почти дымящийся асфальт.

И вот тогда, жарою связанный,
Судьбу с природой разделя,
Ты вдруг поймешь, что слово "Азия"
Не что иное, как земля!

Земля запекшаяся, красная –
Земля – свернувшаяся кровь,
Земля, как будто бы безгласная,
А станет вдруг тебе сестрой!

Сестрой ли, матерью? – но близкою,
Безмерно жаждущей любви!..

Над Араратом небо низкое:
Дождя не будет, хоть умри!

Ночи без сна

I

Я пишу о ночах,
Потому что томлюсь ожиданием света.
А смогу ли о свете писать,
Если дни вдруг наступят?

II

Моя фляжка пропахла вином
И какими-то, к черту, цветами:
Либо молдавское с Кодр (девяносто копеек без тары),
Либо хиосское, что мне Сапфо подносила?..
Пил я, как скиф, – поделом! – Вот и вспомнить не в силах.

III

В клевере, прячущем влажные звезды ночные,
Мне показалось, в стихи я забрел по колени.

IV

Есть у Ибн-Хазма глава о полюбивших во сне.
Кто ты, соперник, не спящий во мне, когда сплю я?

V

Нежность мужчин – беспредельна! –
Любят мужчины, как дети.

VI

Сын мой похож на росток, мне незнакомый...
Вырастет деревом он или травинкой?..

VII

Боги, я жизнь дал ребенку! –
За что же мне счастье такое?
Мальчик упругий, как дождь,
Дал мне бессмертья отпить.

Новгород

Просмоленные, холодные, корявые,
Показались вы мне предками-варягами –

Неразгаданного рода, в колком инее
Поднялись вы строгой стражею в Приильменьи.
А с Полудня шли дубы, теплы и кряжисты,
И смеялись смехом добрым, смехом ряженных.
И вели возы с корчагами изрядными
Прапрабабки мои – белые, как яблони.
И над озером вы встретились, бедовые –
Копья Сивера да палицы дубовые.
Сердце к сердцу, грудь о грудь делились славою...
Да не долго бились бор с густой дубравою.
Остудили их, усовестили клятвами
Прапрабабки мои (белые как яблони!)
На мечях клялись, сняв поясы железные, –
Коль столкнулись лбами – жить и думать вместе нам!..
По над Волховом, над певчими осоками
Бороздой прошлись вокруг берега высокого,
Усмехнулись враз в нечесанные бороды,
И подняли к небу стены Новагорода.

Нет экзотики в русской поэзии.
Да и где же ей быть на великой Руси?
Солнце светит не ярко над сном мелколесья,
А березка скорей не смеется – грустит.

Небо сковано серым морозом,
А простор, что раздольем зовется у нас, –
Он богаче своей многодумною прозой,
Чем стихами – улыбкой надменною фраз.

Но, где степи седые,
Где версты и версты,
И за далью не видно живого огня –
Человек
Головой упирается в звезды,
Ноги в землю ушли, а душа –
Не обнять!

На рождение человека

Отцу!..
Родным!..
Всем людям!..
Очень срочно:
Случилось Новое –
Жизнь продолжает бег.
Спасибо матери!
Сегодня майской ночью
Родился Сын,
Родился Человек!..

Спасибо Матери!
Нельзя быть безучастным –
Родился Человек –
Ему уж первый год!
Пусть звезды падают –
Ведь это тоже
К счастью, –
Ну, а его
Со временем взойдет.

Приозерское лето

I

Ну и могучи эти бабы!
Нет, честно, вот уж здоровы!
Но вряд ли каждая могла бы
Поднять копну сырой травы.

И никогда на киноленту
Такие кадры не отснять...
Возили как-то мы зеленку
За километров двадцать пять.

Сидеть бы в этот день под кровом –
Дождь вместе с градом шел и врозь.
Прицеп был плотно утрамбован,
И мне сгружать его пришлось.

И плеть обух перешибает!
С какого ни начнешь угла,
Трава еще совсем живая,
Спротивлялась как могла.

Я оглянулся ошалело:
Шофер стоит, здоровый, черт!
А ты, наверно, пожалела
И руки вскинула на борт...

Я до сих пор их вижу четко
В разводах напряженных жил...
И женщина, почти девчонка,
Слегка раздавленная в ширь,

С какою силой откровенной
Подхватит пласт, свернет валок,
Шутя поддаст его коленом,
И вилами в зеленый бок –

И вкусно, с хрустом входят вилы,
И зелень, как волна в прилив,

Обрушилась!.. К щеке пугливо
Трилистник клевера прилип.

В ней сила всех лесов России,
В ней сила всех ее полей! –
Как ты была тогда красива
За некрасивостью своей!

И сам того не замечая,
Отбросив грузную копну,
Я вдруг почувствовал плечами,
Что тоже многое могу!

II

Что не болело – я не помню.
Болело все!.. – Полегче, друг! –
Еще бросок, и вилы поднял
В шершавых рукавицах рук.

С утра лил дождь. А пот к полудню
Застлал глаза, въедался в плоть...
И это были просто будни –
Их нужно было побороть.

Озноб от тракторного треска.
Вонзились в тело сотни жал.
А транспортер силосорезки
Бежал, бежал, бежал, бежал!

И как в пути перед привалом,
Весь мир – за мутною слюдой...
Как это "чудо" в нас плевало
Зеленой бешеной слюной!

Не здесь ли первые частушки
Родятся в смелой новизне? –
Вот мой товарищ, как лягушка
С болотной тиной на спине.

В спортивных трусиках филолог,
В венке из спутанных волос,
С какой-то яростью веселой
Бросает вилами силос!

А наши северные музы?
Нет, полюбуйтесь на девчат! –
Среди завалов кукурузы
Давно растерянно молчат...

А транспортер бежал часами, –
Ножи – бесчувственно крепки! –

И в темноте перед глазами
Горели синие круги...

Как будто под ногами осыпь,
Как будто стебли на ветру, –
Так по земле идут матросы,
Давно не бывшие в порту,

Глаза щипало нам от боли,
Да что болтать о пустяках –
Пятиконечные мозоли
Мы уносили в кулаках.

Мы шли, обветренные люди,
С работы. – Ну, и был денек! –
И это были просто будни,
Одна из множества дорог.

Мы шли довольные взаимно,
Без песен, взятых напрокат, –
Ведь нас встречал могучим гимном
Осенний пламенный закат!

Ш

Погнался ветер за стрижами,
Дохнул на лужи сгоряча.
Коровы медленно жевали,
На мух рассеянно мыча.

В пустом ведре струя запела,
И жадным голосом бычка:
– Эй, тетки! – говорю я смело, –
Вы поднесли б нам молочка!

Молчат. Не выгорело дело...
И вдруг: Эй дядьки! – Мы рысцой!..
А женщина побагровела! –
Да так, что в пятнах все лицо.

Смутилась что ли? Или солнце
Нашло ее и припекло?..
Потом, сердясь, как незнакомцам,
Бесцветно: Пейте молоко.

Но я успел, успел увидеть
За безразличьем светлых глаз
Почти невидимые нити,
Что вечно связывали нас!

Она стоит, не молодая,
Крепка, как все здесь, и худа,

И никогда не голодали
Большие руки без труда,

И скажет слово, как ошпарит,
Срывая боль, срывая злость –
Она ругается, как парень, –
Она – застенчива до слез...

А молоко еще дымится...
Скажи, Россия, почему,
Чем дальше едешь от столицы,
Тем ближе к сердцу твоему?

Апрельская песня

Я небо, как волны, раздвинул плечом.
Мне кажется солнце футбольным мячом.
А мысли и чувства прозрачней и проще,
Светлее и чище, чем белые ночи...

И руки мои – не сказал бы, что руки,
А гибкие вербы в побегах упругих,
В них горькая свежесть дорог полевых,
Пушистых, как память о первой любви...

Напрасно трудиться – под шляпою шарить –
Там нет головы, есть серебряный шарик!
Кружится-вертится, звеня и светя,
Весь в маленьких искрах большого дождя.

Сорвешь его быстро, отдашь его детям –
Да так, чтоб никто ничего не заметил:
– Нет, денег не нужно! Ах, что за пустяк! –
Но снова шары надо мной шелестят!

Но снова растут на плечах удивленных
Серебряный, синий, лиловый, зеленый! –
Побольше бы их, чтоб хватило на всех! –
Ведь это не чудо, а первый успех:

Я радость дарю! – всем, по ложке столовой.
Так пусть я отныне хожу безголовый.
Земля – тоже шарик и тоже поет,
Возьмите зеленый – похож на нее.

Алупка-Сара

Тропа упала с обрыва вниз
С глухим перестуком камней.
И в ту же минуту огромный диск

Взлетел и застыл над ней.

Там берег ломтиком дыни лег
И сахарится в лучах,
И море во сне сосало его
Чмокая и урча.

Тропа исчезла, нырнув под тент.
Камни замедлили бег.
И там, где кончалась длинная тень,
Теперь стоял человек.

До самого неба плясали огни,
Мигали тысячью глаз...
А позади был обрыв. Над ним
Алупка-Сара спала.

Кто знает меру добра и зла? –
Их не разделишь стеной...
Другая тень к ногам подползла,
Спряталась за спиной.

Она подошла... Сама тишина
Коснулась его плечей.
Она была – чужая жена,
А он был – еще ничей.

И надо думать, что их союз
Не отличат от игры, –
Когда легла, чтобы тень свою
Телом своим прикрыть.

И словно впервые, не зная тисков,
Земля закричала вдруг!
И круглая галька казалась песком,
Струясь сквозь пальцы рук!

Был муж. И дом. И дорога в рай.
И счастье – почти в горсти...
Кто выскажет маленькую мораль –
Конечно, себе польстит.

И дети родятся, как ночи и дни, –
Не нами – сами собой. –
И это то, что нас всех роднит –
Каждый кому-то свой.

Зачем же небо у нас одно! –
А не каждому по куску?
Почему же звезды не тащат в дом? –
Стоило бы рискнуть!

Зачем же ты – чужая жена?!
Прочь! Тебя ищут, ждут!..
Но правда бывает проще пшена –
Все ж остальные лгут.

Лунная рыба на мокрых камнях
Билась, как на углях...
Где ты? Кто смел тебя обнимать,
Выгнутая Земля?!

Земля! Ты знаешь – это Любовь.
Земля! Прости их, прости!
Ночь и покой. Один прибор
Бьется в избытке сил...

Не разделить Любовь
на любви –
Это тайна твоя,
Земля.
На камнях
вечно
дочери будут твои
Биться, как на углях.

Ведь ты,
Земля,
как она – ничья:
Ни мужа и ни семьи...

.....
Море,
стремительный бег ручья
В лоно свое –
прими!

Желание

...Написать несколько строк и...
умереть...
Только свое...
Только свое!..
Жить и тлеть...
Жить или тлеть?..
Одному...
еще хуже вдвоем?..
Так лучше
написать несколько строк и
умереть...
Всю жизнь
в эти несколько строк!
Весь жизненный сок!
Все крохи любви

сжать в комок!
Гримасой исковерканное лицо!
Все, – что лучшее и больное у всех, –
в несколько строк...
Среди леса,
среди темноты
Всегда вспыхивал кто-нибудь. –
И даже невежды,
даже снобы
Не смели
плевать
в эту рваную грудь!
В сердце, вспыхнувшее
среди темноты!..
Написать несколько строк и
умереть...
Написать
до крови из глаз!
Чтобы
слезы из-под ногтей!
И сказать:
Люди! –
это для вас!
Это можно сделать единственный раз.
Эти строки
в прозренья смертельный час...
Но в счастливый час!..
и умереть...
февраль 1957 г.

Евгению Евтушенко

Читал.. и видел я Мещанскую,
И где-то там, на этаже,
Невиноватую, несчастную,
Оставленную неглиже...

В воспоминаньях добросовестный:
И капал дождь, и падал снег...
И думал – вот ведь, неустроенный
И очень юный человек.

Потом прочел я неожиданно
Про "нигилистов", мастеров,
Про то, чего давно не видано
"По-слабости" редакторов:

Что мы – не апельсины в ящиках,
Что мы давно на рубеже, –
Мы, коммунисты настоящие –
Не по билетам, но в душе.

Что правда – наше дело кровное.
Где есть провалы – есть и высь.
Мы не дадим представить ровную
Гигантом вспаханную жизнь!

По бескорыстию достойнейших
Мы будем жизни измерять.
По бескорыстию такому же,
Как у матросов Октября.

Не демагогию коварную,
Не злую глупость хитрецов –
Я видел честность не бездарную
И друга смелое лицо.

Он обещал, поэт и воин,
Лба перед силой не крестя,
Не торговать к стране любовью –
Ни оптом и ни по частям!

Думали мало мы,
Было нас семеро,
Скорченных
Под одеялами серыми.
Темнота
Липла, как мокрый мех.
И так уж –
В такой обстановке сделано,
Что кто-то,
Отвернувшись от всех,
Жрал втихомолку
Сухарь белый.
Что ж
После каш
И хлеба бесполого,
Кто не поймет,
Скажет, что грубо?
Вспыхивали сигарки,
Освещали головы,
Анекдоты цедили
С дымом сквозь зубы.
И смеялись охотно
Над темой вечной,
Подтягивались,
Расширяли глаза,
Вспоминали охотно
Девушек, женщин...
Много любви,

Обнаженности, зла.
Пели, конечно,
Грустно и ласково:
Врали безбожно –
Да где уж нам лучше-то,
Что-то бессмысленное,
Солдатское,
Очень русское и тягучее.
Дуло в щели
И пахло сыростью –
Кто-то вышел поправлять колья...
Как хотелось когда-то вырасти!
И давно ли учились в школе?!
Нары одни, –
Подкатились друг к другу.
С песней
Глупели или добрели? –
Мягкий сухарь
Кто-то сунул мне в руку –
Стало теплей вдруг
В холодной Карелии.

Домой

В.М. Хвощевскому

Богата земля печами.
Домами земля бедна.
На запад, светясь ночами,
Ушла умирать война.

Идет через Польшу мальчик.
Высокий, как жердь. Худой.
Идет через Польшу мальчик.
Из плена идет. – Домой!

Песчинки хрустят, песчинки.
Следы за спиной пылят.
И веселы беспричинно
Апрельские тополя,

Чуть видным пушком салатным
Прикрывшие наготу...
Подмигивают заплаты
У мальчика на ходу.

Он руки несет в карманах,
В портфеле подмышкой хлеб
И с парой сухих портянок
Две пачки сухих галет.

Кого на пути не встретишь,

Полмира пройдя пешком:
У девушки руки-ветви,
Глаза с голубым дымком.

Нога за ногой босая:
– Давай я тебя сменю! –
Походка вперед бросает,
Как птицу, навстречу дню!

Красиво идет. На солнце!
Сорвав с головы берет...
Нелегкая вещь знакомство
Мальчишке в пятнадцать лет

Возможно, бывают лучше
Полячки. Но помню, ту
Подвез бы тогда на тучке
По небу, как на плоту...

И, может быть, это пресно,
Но только от всей души:
Буханку свою разрезал
И щедро сказал: – Держи! –

Свобода листвою пропахла
И хлебом. Она – звучит!..
И ватник ее распахнут,
И волосы, как ручьи!

Обуглившихся простенков
Трава покрывает креп...
– Ты помнишь тот хлеб, паненка,
Наш первый свободный хлеб?!

Дворы

Как пахнут ленинградские дворы!..
Ведь и сюда весна приходит в мае.
Колодцы, вы по-своему добры –
Вы отзываетесь веселым гулким лаем!

Опушкой леса пахнет у кладниц.
А если ты спустился ходом черным,
То встань в дверях. Прислушайся, всмотрись:
Пылинки кружатся и стонут, словно пчелы.

Освещены стена и угол дна.
Ручьи из труб чисты и быстротечны.
Здесь день и ночь в любое время дня –
Ночь – белая, да, белая, конечно!

Бульжники, что стоит вам зацвесть?! –
Вот был бы и у нас кусочек луга...
Позволь мне, тумба старая, присесть,
Я выжгу что-нибудь на новых брюках!..

Мой добрый двор, прости, мой ветеран,
Согрейся, ведь весна – она взаправду!
Дай мне погладить твой военный шрам
Под розовой кирпичною заплатой.

12 октября 1964 года

День начинался без пушек и литавр.
Закрывается солнце серыми щитами.
Но.., словно задыхаясь, Левитан
Слова безумной гордости читает.

Теперь их трое над землей парят
И видят небо, черное, в алмазах.
– "Восход"! – дай силу нашим трем парням!
Пусть их сердца горят гореньем плазмы!

И снова к телевизору прильнув,
Мы будем ждать улыбок в волнах синих:
Мы с вами, братья! Режьте целину,
Космические пахари России!

Гродненские гусары

Я верю в гродненских гусар.
Я приютил раскаты были,
Когда над льном притихшей пыли
Грозный сумрак нависал,

Когда меня из Гродно в Скидель
Мчал газик – бывший горбунок,
А впереди – наискосок –
Летела девушка-водитель...

Когда везде, к луке кренясь, –
На шпорах – кровь, рейтузах – грязь! –
Нас нагонял на рыжей буре

Тот, за скирдами, и в репьях,
Быв за ремонтом в деревнях,
Прабабушку ее амурил.

Гостеприимство

Мы не министры и не принцы,
А просто люди из людей.
Нам не забыть гостеприимства
Немногих солнечных недель...

Вокруг – Сарьян. Густые краски
И тень – его, а отдых – наш.
Рдел на костре шашлык "по-карски",
А сыр и зелень и лаваш,

И помидоры-исполины,
И перец, и в бумажках соль
На Араратскую долину
Нам положили, как на стол!

И тосты, тосты, тосты, тосты! –
И наступают, и теснят...
И тут-то я "высоким гостем"
Вполне почувствовал себя!

И, выступая от России,
Я рвал душивший воротник...
.....
– Друзья, где ноги? Бросьте, были.
Подайте их на грузовик.

Год рождения

Сил тьмы и света медленный расчет:
Победы, поражения, победы...
Убили Кирова, и кто среди невзгод
Заметил передачу эстафеты, –
Что в тот, его залитой кровью год
Родились космонавты и поэты,

Которых жизнь короче их труда,
Которым даже смерть – не навсегда?

Мцхета

Зноя
 душная перина –
Пух-перо
 от белой цапли...
Здесь лежит святая Нина,
Покровительница Картли.
Спит на дне небесной бездны,
Где клешни вздымают краны,
А вокруг лица невесты
Оплывают свечи-храмы...

В небе

Джвари – страж Востока.

Пенье

под крутым откосом:

Вот Кура – берет высоко,

Вот Арагви – подголосок.

Там, внизу, течет пшеница,

Виноград – горяч и влажен!..

Хороша Тамар: царица!

Но святая Нина краше!

Потому что это –

нива,

А она неотразима!

Потому что эта Нина –

От земли неотделима!..

Поднялась в июльском кrape,

Опираясь на плотину...

– Эй, солдат в зеленой шляпе,

Береги святую Нину!

Капитан

Он добродушен. Добродушен.

Но голова пошла кругом:

Он бил по скопищу веснушек

Тяжелым, вспухшим кулаком.

А хулиган грозил и пачкал.

Тупел и ник от синяков.

А он костяшками, как прачка,

Стирал звериное с него...

Так редко зло бывает благом,

Что мне запомнилось навек,

Как тот потом сидел и плакал –

Уже совсем как человек.

Воспоминания о Коктебеле.

Дорога

Как гребень вспыхнувшей волны,

Татарским звонким позументом

На многоцветные холмы

Легла асфальтовая лента.

Мы оставляем за собой

Орнамент из блестящих петель.

Рука ощупывает ветер –

Упругость плоти голубой.

Все позади, все пронеслось!
Остались образом и эхом –
И брызги солнечного смеха,
И гроздья виноградных слез!

Последний поворот... и спуск.
Автобус набирает скорость.
И... неожиданная робость,
И неосознанная грусть...

Внизу, где бьется теплый бриз,
Где моря зыбкое сиянье,
Где горы в темном одеянье,
Как пилигримы собрались, –

Игрушечный, волшебный мир,
Уют, но страшно одинокий,
И нереальный и далекий,
Как песнопенья древних лир...

Он весь из мифов и былин,
Из недр земных неистощимых.
В глубоких сумрачных морщинах
Седая горькая полынь...

В Карелии озерной, мелколистной,
Где шишки колются под босыми ногами,
Пришла любовь, нежданная, как истина,
Огромная, пугающе нагая.
За прошлое пришлось ли ей навестывать
Или за будущее кто ее потребовал,
Но только на груди горела звездами,
Хотя на небе вовсе звезд и не было.
Под тучами болезненно-плаксивыми,
Под взглядами косыми солнца севера
Прошла она бессовестно красивая,
Зажав в губах цветок пушистый клевера.

В больничной ограниченной тиши
Я слушал только колокол души.
В нем лес звенел. В нем плакала вода...
Так жил ли я на свете и когда?!

Бесчисленными синими глазами
Смотрело море – я не верил сам.
А люди камни с берега бросали
По этим синим ласковым глазам...

Прости их, море, думающих поздно.
Останься, море, к маленьким светло.
Они – не злы. Они не знают...
Просто:
Для них
Пока
Бессмертное – мертво.

Белая Индия

На солнечных картинах Тадж-Махала
Жемчужина восточная горит.
Склоняют пальмы кроны-опахала,
И океан – оживший хризолит.

Я не был в Индии. Приехать не просили.
А жаль: не потому, что там родня,
Не потому, что мало мне России,
А потому, что хочется понять.

Я подошел бы к первому индусу
И тоже на картинках показал
Природы нашей, бесконечно русой,
Крылатые, парящие глаза...

На Севере, в далеком зимнем мире,
Где солнце пробегает второпях,
Не счесть алмазов в тайниках Сибири,
Янтарных слез в седеющих морях.

Там небо низкое. И человеку тесно.
И мысль его летит в равнинах далеко
За горизонт с зазубринами леса,
Пронизывая лед нависших облаков.

Как дорого тепло, где дни подолгу мерзнут!
Нельзя здесь быть чужим, –
Здесь должно быть своим.
Быть может, потому мы больше любим звезды,
Чем меньше, выше кажутся они!

Смотри внимательно, как полные заботы
Плечистые столбы шагают по полям.
И, где они пойдут, горластые заводы
Врастают в небосвод, быстрее, чем тополя.

И это И Н Д И Я – сестра восточной, смуглой –
Вся белая, несущая снега.
Со всех сторон серебряные джунгли –
Суровая и властная тайга!..

Я приглашаю этого индуса.
Пусть МИД поймет, что это не игра:
Ведь "Здравствуй, брат, пройдемся по Союзу"
Давно висит на кончике пера.

Береговский чардаш

...И тогда пришел к нам Имре Кальман...
Эта ночь – далекой черной точкой:
Я болтал с одиннадцатой бочкой,
Что была особо музыкальной...

В погребке шинкарка бродит станом,
Самым виноградным южным склоном.
Наверху скрипач с полупоклоном
Разливает чардаш по стаканам.

Не пьянеют сдержанные венгры –
Только юбки скручивает ветром,
Только бьется гордое контральто.

Как поет неведомая Сильва! –
Не с подмостков, не из кинофильма...
Вот ведь ты какой, папаша Кальман!

Есть какая-то мудрость в костре догорающем –
В неожиданных взблесках, в дыме с запахом горьким:
Не смотри на меня, не смотри понимающе,
Все равно не осмыслишь – обманешься только.

Мне солнце не светило праздно –
Глазам дарило блеск и глубь
И только ветру я обязан
Сухими складками у губ.

Мы встретились. Не уступая
ни пяди

Нет – он не был злым –
Он дал мне мускулов узлы
В знак братства нашего –
на память!

Февраль. Вечернее халдейство.
Голубизны полутуман,
Полуянтарь Адмиралтейства.
Полуосознанное действо:
Иду с работы на диван.

Мост. Колоннада газырями.
Газон с царями якорей.
Сад Сашкин с взбитыми кудрями...

Март, молодой и светлолиций,
Морозный, легкий на подъем.
Снег льдистый масляно лоснится
И тени тусклые на нем.
Синиц немолчная горячность,
Кипенье солнца без тепла
Сквозь голубую непрозрачность
Вполне прозрачного стекла.

Вот луг и лес, и рожь за лесом,
Луны обманчивая дрожь...
Давай с тобою в ночь залезем:
Сначала – в лес, а после – в рожь –
В ее светлеющее пламя,
Пройдем его и ты и я
И посидим под вешалами,
Вбирая звуки бытия.
И льнет и ластится живое,
Незамечаемое днем.
Давай с тобою вдруг завоем,
По-волчьи, значит, запоем. –
Ведь ослепленный злой зарницей,
Ноздрями вглядываясь в тьму,
Матерым волком за волчицей
Я шел по следу твоему.

1969.

Бабье лето

Не только старинному мне
Вы вдруг показались не гостьей
На выжатом небом холме,
Несущей простые колосья
Последнего солнца... В былом
И в здешнем сверканье негромком
Ваш взгляд подсиненный крылом
Подстреленной сизоворонки,
Упавшей ничком на жнивье
На взлете под самое счастье...
Но я не жалею ее –
Нет слаще ее одночасья!..
Вам нежно... И лоб орошен
Под натиском желтого цвета.
Вы тянетесь. Вам хорошо.
Вам – тяготы бабьего лета.
И в белом на жесткой стерне,
От воплей ее оживая,
Беззвучных, вам ждать и терпеть
Того, чего в явь не бывает.

1973 г.

Легенда об мне

Я вышел в день на холодке,
Я солнце вел на поводке,
И мир был утром удивлен,
А я был молод и влюблен,
Как месяц май, до счастья зол –
И, не оглядываясь, шел...
Но за спиною слух ловил
Упругий шаг и скрип удил,
А впереди нас тень моя
Вела воочию... коня!..
И видел я, как в пене брызж
Вхожу однажды в мой Париж,
А впереди меня идет
Легенда обо мне!

Как скоро высохла трава!
А я свой первый пот со лба,
стесняясь сам себя, отер –
День разгорался, что костер,
И ветер к небу нес и нес,
Как искры, крылышки стрекоз!..
И сеном вспыхнула душа,
И звон малиновый в ушах...
– Вперед, мой конь! Ты что? – уснул? –
Гляжу на тень, а с нею... мул!.. –
И в колокольчиках и рыж...

– Ну, что ж, посмотришь на Париж... –
А впереди меня идет
Легенда обо мне!

Примолкнул в полдень птичий гай,
Растаял в дымке отчий край
За красотой встречных рек,
За краснотой опухших век.
И пить из рук, и есть с куста
Я неожиданно устал...
И я на тень опять взглянул:
Короче тень. А где же мул? –
За тенью мимо пыльных сел
Тащился... Маленький осел!..
В Париж!.. С ослом не воспаришь –
Ослу чихать на мой Париж...
Но впереди меня идет
Легенда обо мне!

Стада шли в хлевы, щелкал кнут.
Тут понял я, что ноги лгут –
Еще наивно и светло –
Но я решил: пора в седло! –
Да глянул: там, где тень пасла
Серка, – ни тени, ни осла!..
И плакал я, упав с мешком,
Что всю-то жизнь я шел пешком –
Сам под седлом, а не в седле,
Что даже тени на земле
Не оставляю... Как, малыш, –
Ты поднимаешься?.. В Париж?!
Ведь впереди меня идет
Легенда обо мне!

Вдруг слышу топот за спиной! –
Наверно, ночь спешит за мной.
А может быть, – и ночь, и гром...
Снимая с плеч свой скарб и дом,
Я в первый раз взглянул назад
И сквозь дырявый листопад
Увидел... черного коня
И в садника!.. Он ждал меня!..
Двойник мой. Более того:
Я только тенью был его.
Теперь я не умру, шалишь! –
Ботфорты в стремя!.....
.....
Париж!!!
И Елисейские поля
Узнали обо мне!

К портрету камеристки инфанты Изабеллы

*(Брюссель, ок. 1625 года,
Ленинград, ок. 1975 года)*

Отметил праздну, вскользь, не обнаружив
В своей душе и шороха тревог,
Антверпенский – весь в бликах – черный шелк
И воротник льняных слоеных кружев.

Квадратный вырез платья книзу сужен,
И в нем бежит батистовый дымок.
Цепочки луч слегка меня ожег,
Сережка проняла мерцаньем стужи...

И вдруг – лицо... Ч т о камни и парчи
Без тайны губ?... Подсвечник – для свечи,
Та – для огня: в том вижу неизбежность

Всего святого... Боже, научи
Словам своим!.. – Две радуги в ночи
Её глаза... Пугающая нежность!
28.03.1974 г.

Французская живопись

*Перед картиной Поля
Гогена «А ты ревнуешь?»*

Край запоздалого детства.
Детского сна дыханье...
Стихи вырастают пальмами,
Пальмы растут стихами.

Солнце в ресницах тает –
Здесь от него не скрыться.
Песок прижимается к телу,
Розовый до бесстыдства.

На апельсиновой коже
Капли янтарного пота...
Время любви и солнца –
Лучшее время года!

– А ты ревнуешь? – Другая
Только глаза опустила...
Нет! – это так показалось. –
Ты у меня спросила!

– Да! Я тебя ревную! –
Хуже дикарской казни

Видеть, как любит солнце,
Землю бросая навзничь!..

Базар

Я был на сочинском базаре,
С утра шатался до обеда.
Привозят фрукты не возами,
А в "москвичах" и на "победах".

И хороши, по крайней мере:
Загар их радостен и бронзов, –
О, эти груши, груши – бере! –
Смуглы, как маленькие солнца!

Их щечки женственны, и даже
Их бархатистость не от крема!
Казалось, что хозяин скажет:
Из тегеранского гарема!..

Хозяин щурится на солнце!
Он – сводник, вкрадчивый и грубый.
А солнце щурится на кольца,
На металлические зубы!

Живую плоть перебирая,
От пряных запахов пьянея,
Как глубоко он презирает
Всех тех, кто денег не имеет!

Здесь заговор цветов и соков,
Здесь иллюзорные романы –
И сумочки под солнцем сохнут,
И разевают рты карманы!

Бумажки пестры, как колибри, –
Их год копили, час бросали
На этих розовых "колибри"
На этом грабящем базаре!

А я художник. Мне дороже
Не измеримое весами:
Кто даст хозяину по роже? –
Он краше с красными усами!

Вдруг однажды себя от судьбы оторвав,
Мы уедем на ветер, на запахи трав,
На ромашек дымы, на туманы гвоздик

Навсегда, насовсем, на ручной материк.
А ручной материк не открыт, не воспет.
Может он на одной из далеких планет,
Может он где-то здесь в двух минутах хотьбы.
Только это опять – продолженье судьбы.
Но туда не попасть ни за сколько монет,
Ни за сколько монет, за бесплатный билет,
Ни за смех, ни за страх.
Есть цена – да не та. Есть цена – да не та.
А туда попадут по следам резеды
Только те, кто всю жизнь не терял наготы.

Феодосия

Феодосийская коричневая ночь...
На площадях блуждают сигареты.
У цирка полотняного атлеты,
Как с черепков античных, – вышли в ночь.
Играют в преферанс. И деловито
Ощупывают мышцы. Поздний час.
Прохладно. Ящик из-под реквизита.
На нем консервы, карты и свеча...
Зевает ветер в шелковой пижаме:
Коронки фонарей блеснули. Смех,
Как кошка юркнул. Кто-то убеждает,
И логика одерживает верх.
Не будем говорить о зрелых дамах –
Курортницах, – им ночь – длиною с год.
Ворочается море в тесных рамах
Картинной галереи. Светит порт,
Уже реальный. Пес любимой костью
Вдруг подавился. Муж – отец – и – сын
Сполз со скамьи, проснувшись, и в авоське
Понес домой луну и апельсин.

Пробуждение

В клеть – ласточек пенье –
Где в дальнем углу
На пашущем сене
Вздыхает тулуп,
Где в сонном размахе
Во весь окоем
Две смятых рубахи,
Украшенных шитьем,
Березовых веников
Гроздь шуршат –
Кот, хитрый терпением,
Смуцает мышат:
Под связками лука –

Где лег лиходеи,
Согласие духа
И цепких когтей...
Хоть зорька – не солнце,
Но тут, но горе, –
Заслонку с оконца –
Светло на дворе.
Над пойменным лугом
Хвосты синих лис...
Как пахнет разлукой
Березовый лист!
Прощанье, прощенье,
Последний завет...
Сквозь длинные щели
Соломенный свет.

Когда на крышах высыхает свет,
В бессонье перепутанных ночей
Я разжигаю память о тебе,
Подбрасывая хворост мелочей.

И как всегда мы вместе – я и ты
Что в мире между нами может лечь?
Так глубоко впечатались следы
На перекрестках наших редких встреч...

В. Рытову

В нашем полюшке потрава,
Нам зимой не есть, не пить...
Приезжай, братишка Слава,
Нашу маму хоронить!..
Хмель пройдет, похмелье горько:
Папа, я и... никого.
Не могу я слышать только
Причитания его:
"Грусть моя,
Жаль моя,
Радость несказанная,
Без тебя я небо вижу,
Солнце вижу без тебя!.."
За окошками светает,
Губы в утренней заре,
А она уже с цветами
На обеденном столе...
Жизнь мудра, а смерть лукава,
Но одна их вяжет нить...

Приезжай, братишка Слава,
Нашу маму хоронить!..
"Грусть моя,
Жаль моя,
Радость несказанная,
Без тебя я небо вижу,
Солнце В И Ж У без тебя!.."

Палестинская баллада

Я вспомнил на южной дороге
У зноя и пыли в гостях
Легенду о распятом боге,
О жизни его и страстях...

Холмы оплывали от лета,
Сплывали вдоль впадин сухих,
Как будто руками атлета
Безжалостно выжали их.
И небо, без блеска, робея,
С утра отползало, текло,
Оправив жука-скарабея
Белесо-зеленым стеклом.

Он вышел из тесного вади.
В пути его полдень застал –
И шел он за стадием стадий
До ближних дремотных застав.
Охрипло встречала охрана
В подвратьи горласто-густом.
Охряную голову храма
Из тьмы он увидел, перстом,
Не глядя... Ржавели мозоли.
И мытарю бросив обол,
Невольником собственной воли
Он в город заветный вошел.
И всё принимая, не хмурясь,
Нырять то в солнце, то в тень,
Он влился в извилины улиц,
В поток ослепительных стен...
О, бело-лиловые стены
С оливковой рябью теней,
Исполненных духом вербены
У каждой калитки в стене!
Вы, тихие запахи-мимы, –
Узнает вас даже слепой!..
Зачем же все мимо и мимо
За этой безумной толпой?! –
По щебню, по щепам-занозам,
Раздавленным грушам, рожкам,
Желтеющим слиткам навоза,

Краснеющим битым горшкам,
По плитам, ступеням лощеным, –
К базару! – и ноги пылят,
И смотрит он взглядом воцеленным
На облачно-белых ягнят,
На персиков пухлые щеки,
Гранаты, фисташки и мед.
Вокруг него шелест и щекот.
Вокруг него город растет...
Носилки. И постук сандалий.
Кремнистая россыпь копыт.
Верблюды слюной истекали.
Ослы голосили навзрыд.
Собаки рычали на палки.
Мальчишки чернели в пыли.
А женщины смолами пахли –
И так замирали вдали...
А фокусник вел обезьянок,
Халдей. Колыханье хламид.
И завитый, в ярких румянах
Преступно-живой содомит.
Бежали и прятались тени.
Пылал Иерусалаим,
Весь полный дневных сновидений,
Еще не разбуженный Им.
О, розово-желтые стены!
Смоковница. Камень-скамья.
О, щедрые медные цены
Большого базарного дня!
И мухи на семечках дынных,
И осы роились вьюном
На ягодах винных и дымных,
У амфор с хиосским вином,
Над хумами с тяжелой пшеницей,
Маслами из тучных долин,
Где зной воздается сторицей
Дождем золотистых маслин.
У горького дикого меда –
Заплачешь пчелиной слезой,
У рыб – задохнешься от йода,
У сыра – залаешь лисой,
У мяса – по-волчьи, оскалясь,
У трав – затрясешься, как лист...
А хочешь, потомкам на зависть,
От вымени белых ослиц
Напиться?! А куры и гуси?
А хлеб, что желанней всего?
Пот – горстью египетских бусин! –
Ешь! – в поте лица своего!!!

Что жаждешь? – все споро и спело!
Совсем заблудили меня

Чеканщиков звонкое дело
И звонкое дело менял.
Запутана тонкая пряжа.
Застыл, как язычник – ромей
Над львиными мордами пряжек,
Медузами теплых камней.
А там не ушел от погони
(И помню сквозь тысячи лет!)
Летучих, как сны, благовоний,
Летящих от рук Аштарет.
И речь арамейская: хочешь
Нанять молчаливых мужей,
Коня аравийского к ночи
И пару сирийских ножей?..
Латунные звуки латыни.
Лазурная эллинов речь.
А плечи нубийской рабыни –
О, смуглая музыка плеч!
– Купи массажиста-ибера,
Поэта-родосца, вола...
– Займи: дорогая гетера
На уровне губ проплыла...
– Любовных тебе приворожий?..
– Рука твоя, вижу, легка:
Брось кости на счастье, прохожий...
– Поставь на того петуха...
– Послушай святого ессея...
– Клянись, вечным храмом клянись!..
– Что нового там, в Галилее?..
– Гадаю на печени птиц!..

Так где же ты, бог неизвестный,
Вопль сирых и око слепых?!
...Учитесь: у птиц поднебесных,
У лилий и трав полевых...
(Бичами еще не побитый,
Свою накликая беду)
...Учитесь: не сеют, а сыты.
Одеты, а льна не прядут...
(Как будто без всякой надежды,
Бесстрастно, досужим ушам)
...Не выше ли тело одежды?
Не больше ли пищи душа?..

Пиренейская баллада

Ко мне в исповедальню,
Как водится, грешна,
Под черною вуалью
Красавица пришла.

Неведомая сила!
Лукавая беда!
Отец мой, я любила
Без божьего стыда.

Отец, он деву предал –
Я плачу, как река
Ночами грезит тело
Виденьями греха

Уехал в Палестину,
За славой ускакал,
Ночами пальцы стынют,
Сжигает плоть тоска.

В полночные покои
В кольчужном серебре
Ко мне приходит воин
С кинжалом на бедре.

Лучом он режет прутья
И вот уже внизу,
И, я как чары, груди
К губам его несусь.

Несу ему и жажду,
Как жаждет губ родник;
Лови мой звонкий, жадный –
Мой сладостный язык!

Я ласкам этим рада
До крика и до слез.
Спаси меня от Ада,
Спаси меня от грез...

А я, монах безусый,
Смотрел в ее глаза
И видел Иисуса,
И вслух его позвал.

С души свалился камень
Душа, как стая птиц,
Когда услышал "Amen"
Из-под густых ресниц.

И песня песней строфы
Мне взгляд его поет:
– Она – твоя Голгофа!
Распятие твое!

Прозрело все слепое,
Я вспомнил про апрель,

Во мне проснулся воин,
Поэт и менестрель

Сказал я деде кратко:
Не кайся мне, сестра!
Для поцелуев рот твой
И плоть не для костра!

Мы дети Иисуса
И распят Он за всех.
Простит Господь безумство,
Как самый легкий грех.

И с гордою печалью
Я думал про себя:
– Да станут скоро явью
Мечты твои, дитя!..

В ту ночь из кельи душной
Я вышел без огня
И вывел из конюшни
Высокого коня.

И сам, готовый к чуду –
Как брат лесной, одет,
Короткий плащ, кольчуга,
Клинок и арбалет...

Погасли Пиренеи.
В зарницах небосвод,
И всадником без тени
Со мной скакал Господь

Оливковые рощи
В долинах прилегли
О, Pater noster, ночи
Ты создал для любви.

И льётся теплый запах:
Гасконь в цвету давно,
И вижу темный замок
И узкое окно.

Противилась не долго,
Сдавалась не врагу
Железная решетка
Тулузскому клинку.

И, весь из лунных песен,
С кинжалом на бедре
Спустился к ней, как месяц,
В кольчужном серебре.

И счастье даром Феба,
Браслетами звеня
Тяжелое, как небо,
Упало на меня!..

И пусть не знают люди –
Не им судить о том, –
Как пламенеют груди
На древе золотом.

Щедрей ливанских кедров,
Желанней, чем в раю,
Соски ее, как серны,
Встревожено встают.

На бедрах тяжелеет
Маслин осенний сок,
И ноги, как лилеи,
Уходят в синий шелк

Душистые колени
Меня принять хотят,
И рук лесные тени
С глазами оленят

И в раковину леса
Во мрак, в небытие,
– Сестра моя, невеста
Распятие мое!

Ты, женщина, частица
Марии Пресвятой!
Я миром причастился,
И небом, и водой.

Живи, моя живая,
И юность славословь!
Тебя ли я вкушаю?
Христа ли плот и кровь?

Ковчег наш – материнство,
Спасение для всех,
И дети наши – птицы,
И благовест – их смех.

Зарниц ночное пламя
В лицо мое плесни –
Я снова слышу "Амен"
Из-под ее ресниц...

А стон ее как лава,

Заката крик и дрожь:
Кентавр мой ладный,
 дьявол,
Куда меня несешь?

Лозою зрелойгнулась,
Змеилась, как река
И вдруг... рука столкнулась
С молчанием клинка.

Не понял я, как надо,
Распятый на Весне,
Что был Исчадьем Ада
В ее нечистом сне,

Что нож не режет слуха
Что умер на заре...
Где русская кольчуга
В холодном серебре?..

Служи своей мадонне,
Мой правнук, Рафаэль,
Ведь умер я, как воин,
Поэт и менестрель.

Пусть будет вечно милой,
Пусть думает, что спит.
Я сам себе могилой
И крест во мне горит.

Петух. Один сначала,
А после – без числа...
– Сгинь, сгинь! – она кричала
А я не исчезал,

– Поэт я твой, – не бес я,
Мне сгинуть не дано.
И взмыла только песня
В высокое окно.

Пес-собака

Маленький пес, жалкий и тощий,
Бежал и заглядывал всем в глаза.
Много людей шло по площади,
И никто ему ничего не сказал.

Лапы замерли. Снег холодный.
Хвост поджимал, припускаясь пуще.
В лица смотрел такими голодными,
И провожал такими тоскующими.

Видел, наверное, жирные кости,
Маленький коврик в уютной передней,
Где шляпы, пальто, галоши, трости,
Где пахнет следами, обоями, веником.

Бежал и смотрел и просил отчаянно:
– Возьмите! – А раз забежал вперед,
И кто-то, возможно вполне, нечаянно
Ударил ногой в поджарый живот.

Короткий вопль. Отлетел к стене.
Долго скулил, кому-то жалуясь.
Лизал, вдруг ставший соленым снег,
Беспомощно так оглядываясь.

И вдруг затих. И не видел никто.
Спешили. – Ветер прохватывал здорово.
Я подошел. Подобрал пальто.
Присел. И погладил собаке голову.

Слезы собачьи... Смешно как будто:
Падали в снег стеклянные бусины...
Но сколько тоски глядело оттуда –
Из этих глаз коричнево-грустных!

Случай, конечно, почти незначущий.
И говорить было бы нечего.
Но редко кто видел собаку плачущей,
А я видел ее искалеченную.

Кто виноват? Да никто, конечно. –
Под ноги лезла – ну что ж – не зевай!
Сдохла и все. Никто не вечен.
Так же могла попасть под трамвай!..

Или... была она очень голодная...
Случай пришел ей сдохнуть сегодня...
Я посмотрел. Зачем-то поднял.
Взял и отнес ее в подворотню...

Случай, конечно, совсем пустячный.
Только вот грустно было. Потом.
Черт с ней, правда – она бродячая.
Но пусть бы жила. А ведь – пинком...

Весна

В зеленых облаках дворцовые аллеи.
А лужи голубы, и каждая – родник!
А солнце в патруле: чуть пьяные деревья

Для профилактики берет за воротник.

А возле куличей гигантского ребенка,
Неузнанных до днесь во Храме на крови,
Неистово долбят в ушные перепонки
На ножках-прутиках смешные воробьи.

Весь Невский – ходуном! – огромные качели:
Их тоже раскачал смешливый исполин! –
Так это ж месяц май! – чего же вы хотели,
Когда на площадях пролит ультрамарин?!

И медь течет, как мед, в зев кружек автоматных!
Куда ни повернись – вертушки лотерей,
Доверчивость расстегнутых парадных,
Где бесы в ребрах теплых батарей.

А на Аничковом, где кони ржут (...как люди!),
Усердием зевак заплевана река...
Там жди: из куполов, набухших, словно груди,
Вдруг брызнут в небосвод фонтаны молока!

Весна в городе

Небо открылось синее, синее,
Сбросив лохмотья дырявых туч...
Ветер пронесся совсем не зимний,
А ласковый и пахучий.

Он пробежал по широким улицам
И вот, сорвав стариковскую маску,
Город вдруг перестал сутулиться
И засиял весенними красками.

Солнце лучи запустило длинные
В окна квартир, чердаки и подвалы,
Не удивляйтесь, что в магазинах
Вы не найдете карманных зеркал!..

А на душе светло и молодо.
И, пробуждаясь от зимнего сна,
Хочется с ветром бежать по городу,
В окна стучать и кричать – ВЕСНА!..

Ветер

Забывтое белье забило крыльями –
Да нет, не оторваться от земли,
А ветер взвыл в высоковольтной линии,
Как дальнее предчувствие зимы,

Неслыханно... Нежданный, не обещанный –
Над бегством задыхающихся луж...
А на скамье без слез рыдала женщина:
В ней умирал вчера умерший муж...

Она еще о будущем не думала,
Так, просто причитала по складам...
А ветер выл под гулким серым куполом:
Он только превращался в ураган.

Кикеринская осень

Деревня называлась Глумицы –
Земля там образует вогнутость,
И в этой вогнутости сгрудились
Все тучи Ленинградской области.

Там грязь была почти торжественной,
В узорах, вытесненных шинами, –
Березы сторонились женственно,
Чтоб не забрызгало машинами.

Дома под дранковыми крышами
Стояли в лужах, как над пропастью,
И пузыри на лужах пыжились,
Росли, росли и звонко лопались.

Нас петухи – такие умницы! –
Будили утром, словно маленьких,
Мы шли к правлению. Как "муромцы",
Сидели сиднем на завалинках.

Машина с кузовом вихляющим
Пройдет по экстренному случаю,
Придет, бывало, управляющий,
На небо поглядит задумчиво

И скажет, как отрежет начисто:
– Ну, до обеда спать, бездельники! –
Какое тут покажешь качество?! –
Все дни, как будто понедельник!

И шли обратно мы вдоль улицы...
Березы вспоминали молодость.
Деревня называлась Глумицы –
Земля там образует вогнутость.

Темнота обнажила мысли,
И было мне неудобно
Среди голых спутанных мыслей –
Я искал среди них ответа
На вопрос, что меня тревожил:
Мне хотелось немного улыбки,
В розовом рта бокале. –
Мне хотелось твоей улыбки,
Разнимающей ночь на горле...
Я плыл по извилинам мозга
На дырявой лодке надежды,
Вычерпывая огорченья,
Отталкиваясь от страха...
Ты ко мне приходила часто,
Когда, одурев от дыма,
Я лежал совсем невесомый.
Ты ко мне тогда приходила,
Оставаясь со мной до рассвета,
Нежная, как паутинка...
Вместе с ночью ты исчезала,
А та мчалась, как от погони, –
Ей казалось: день нагоняет,
На моей измятой подушке
Хоть бы волос один остался!..
Я ночами любил тебя так же,
Как днем тебя ненавидел.

1957 г.

Ленинград осенний

Я, как художник, за осень ратовал,
Но сразу сам не смог разобраться.
Время – величайший импровизатор
Вдруг решило сменить декорацию.
Не уследил – все вокруг наизнанку:
Осень заботливо, тонкою кистью,
На голубых разводах Фонтанки
Вывела четкие яркие листья.
Туча, как трагик на сцене огромной,
Вдохновлено нахмурясь, смутила высь.
Выжала капли сначала скромные,
А потом разразилась тысячью брызг.
А потом было солнце – последним аккордом
Запоздалого лета – и полный штиль.
И снова в небо врезался гордо
Золотой Петропавловский шпиль.
И окрасила чувства, быть может сильнее,
Чем весна, потому что ждет
В поредевшей тени знакомой аллеи
Он ее – и она придет.
И она придет! Придет непременно!

Потому что любит его всерьез.
Накрахмаленный воздух раздвинул стены.
И неправда, что осень есть время слез.
Стрелы улиц уносят далёко, далёко.
День мне светом в глаза плеснул.
В перламутровом блеске оконных стекол
Вижу будущую весну.

Маленькой, решительной и строгой
Тихо руки положить на плечи
И сказать:
– Встречались мы немного,
А теперь вот встретились навечно.

Полюбить нас не заставит зависть,
Время нас не сделает хитрее!
Наших чувств молоденькая завязь
В яблоко душистое созреет!

И хотя просты мы и обычны,
И мечта в судьбе не растворима –
Никогда не будешь ты привычной,
Но всегда, как жизнь, необходимой!
Лето 1957 г.

Мартин Иден

Сегодня мой праздник!
Душа рвется ввысь!
Приняли!
 Приняли!
 Приняли!
Мне заплатили за мою мысль.
Сказали – свежо, и не вылиняло,
Здесь деньги охотно дают за свежесть,
За жизнь,
 за улыбку,
 волнение,
И знают на этой бирже вес
И цену вдохновенья!

Мне вспомнилось вдруг одно полотно,
Покрытое темным лаковым гляncем:
Один голландец
 дает одной
Монету
 за румянец...
И в сердце кольнуло

опять и опять.
Что-то потеряно как-то и где-то.
Что ж делать, если хочется жрать
И быть прилично одетым.
1956 г.

Микельанджело Летнего сада

*Неизвестному скульптору,
создавшему статую Деда Мороза
в сопровождении зверей зимой
1961 года в Летнем саду.*

Он бросил на скамью полупальто
И к глыбе снега, льдистой, ноздреватой,
Он подошел с фанерной лопатой,
Как к мрамору подходят с молотком.

Он взглядом эту глыбу зачеркнул,
И глыба сжалась, чувствуя угрозу, –
Он видел в ней такого Дед-Мороза,
Которому зарплата ни к чему.

Никто вокруг его не постигал
Тот краткий миг, тот миг непреходящий –
Как глыба оживала в настоящем,
Чтоб в памяти остаться навсегда!

Мороз крепчал, скреб кожу у висков, –
И на щеках уже не таял иней, –
Но Летний сад был только мастерской,
Трещали липы, как дрова в камине!

И антики, из ящиков следя
За скульптором, когда совсем стемнело
Увидели в бесформенности льда
Могучее, светящееся тело!

За щедрость рук твоих – благодарю! –
Я видел: на дорожке замер заяц
И, как пророк, на посох опираясь,
Шел Дед-Мороз навстречу январю!!
Январь 1963 г.

Мне показалось ненадолго
Под тихий свист скользящих льдин,
Что Исаакий, словно елка,
А солнце, словно мандарин,

Что снежным верхом нарастает
Гром-камня серый монолит,
А плащ петровский горностаем
Как будто празднично подбит,
Что за дымами труб и трубок
Над гладью города-стола
В руке у Всадника был Кубок
Большого русского орла
И что из недр старинной меди,
Улыбкой разрывая рот,
Прорвалась речь: "Пируйте, дети,
Вы заслужили Новый год!
Народ мой, я ль с тоской не знался
И во трудах и во хмелю!" –
И выпил враз. И засмеялся,
И трахнул кубок о змею!

Мой привет Парижу

Иву Монтану – певцу Франции

Ты сейчас крепко спишь,
А я не могу уснуть...
Ты перед глазами стоишь –
Дай на тебя взглянуть.
Спящий Париж!

Над Сеной летает сон,
На улицах тишина,
Лишь пары бездомных влюбленных
Да спутница их луна.
Ты все такой же, Париж!..

Я издали вижу –
Твой охраняя покой
Небо спускалось ниже
Гладит нежно рукой
Крыши твои, Париж.

Завтра проснешься опять –
Будешь трудиться и петь,
Шуткой всюду встречать...
Жизнь будет снова кипеть
В сердце твоём, Париж!

Бульвары твои цветут,
Даль утренняя ясна,
Ветер в окошко стукнул –
Это пришла весна
К тебе, мой юный Париж.

Вот первый спешит почтальон,
Газетчик стоит на углу...
А вот из-за шторы зеленой
Воздушный летит поцелуй...
Быть может тебе, Париж?..

Счастье и мир тебе,
Дышится пусть легко,
Город простых людей,
Город многих веков,
Я посвящаю тебе
Строки этих стихов.
Это – привет мой, Париж!
Весна 1955 г.

Моя Марсельеза

Чтоб ноги болели,
А плечи заныли.
А руки
 медали мозолей покрыли!..
Отбросив тщеславия мелкие счёты, –
Работать!
 Работать!

 Еще раз работать!
Хочу написать на развернутом стяге:
– Не жалко труда! – и не жалко бумаги!
Не жалко дать слабому руку в беду!
Не жалко плевка подлецу и врагу!

Не много ли споров и длинных и праздных:
Побольше поэтов хороших и разных?
Да только на деле до бедности мало
Строк свежих и легких в тяжелых журналах,
Лежат эти строки в подобиях моргов.
В корзинах редакций, в пыли книготоргов.
И смотришь на полки все реже и реже –
Нет новых поэтов! – все те же и те же!
Но новое есть! – им полна голова. –
Сквозь серый бульжник прорвется трава!
Я буду писать про сильных и стойких,
Про пепел руин
 и огни новостроек,
Про юность,
 глядящую смерти в лицо,
Про землю
 поэтов и кузнецов!
Про то,
 что когда-то забыл Маяковский –
Про Килиманжаро,
 цвет вишен японских.

Про гнев Океана
и маленький плот...
– Да мало ли в мире
нехоженных троп?!
И только успеть –
и не нужно успеха –
Быть голосом правды,
быть времени эхом!
Писать,
нет,
работать!
Выделявать вновь
Веселую ярость
пылающих слов!
Зовущих из пошлости
в мир вдохновенный
Чтоб каждый
почувствовал близость Вселенной! –
Мы сбросили бремя
безвременных лет –
И время пришло –
побеждать и лететь!
Пусть слово поможет,
а сердце расскажет
О самом большом,
необъятном и важном –
О жизни,
которая бьется в висках! –
Искать и
работать! и
снова искать! –
И это
Поэзия из поэзий –
И это девиз мой –
моя Марсельеза!
1958 г.

Мы долго по селам венгерским ходили,
И солнце над нами как будто застыло.
Но было прохладно от взглядов в затылок –
Мадьяры не знали, что мы их любили.

А мы их любили совсем бескорыстно
За смуглые села, за день, пахнувший сытно,
За то, что без дела здесь как-то и стыдно,
За то, что сюда не приходят туристы.

Туристы у Тисы, туристы в Карпатах.
Гитару потискать, а главное – к флирту.

А мы, подчиняясь пехотному ритму
Равнину берем, рюкзаками горбаты.

У нас в рюкзаках запрокинутый запад,
Клубок горизонта и жухлое жниво,
Гончарное солнце зеленой поливы
И запах прудов, замирающий запах.

Пруды. И раскосые ветлы. И светло-
Зеленых утят мелкий, тающий сахар.
Саманные хаты в расшитых рубахах.
Цыганские трубки – короче, чем лето.

Короткое лето, а в памяти густо!
Нам кланялись люди. И мы им. Серьезно.
– День добрый! – зрачки, как суровые звезды...
– День добрый, мадьяры, от Чопа до Хуста!

Памяти детства

П.М. Басаргиной

Как долго память носит креп!
Болят рука, которой нет.
Болят душа (которой нет)
И стонет – по кому?..
Как пахнет довоенный хлеб,
Я помнил всю войну.

И стар и мал одни – вдвоем,
Минуя зелень дня,
Мы с бабкой по миру идем
По русским деревням!..

Сначала было, как игра:
И ножницы и клей –
Весь дом наклеивал с утра
Снежинку на стекле.

Что дети знали о судьбе,
О крови, о любви? –
Ведь самолеты в синеве
Дрались, как воробьи.

На бой глядели языки
Из удивленных губ,
Из-под ладошек огоньки
Стреляли по врагу...

Красноармейский эшелон.

Зажав в зубах ремни,
Внизу, по склону, батальон
На корточках сидит. –

И это было не смешно!
Колесный стук сухой...
Вот бабушка ушла с мешком
В деревню за мукой.

И был на Спирово налет,
И я, по простоте,
Увидел близкий самолет
С крестом на животе.

Стекло и грязь, и женский всхлип,
И стены ходуном.
Молился дед. Его нашли
Под грудой икон...

Сначала сахар к чаю был:
По пять, по три, по два
Кусочка, а потом и пыль –
На три, на два глотка.

Потом солили круто хлеб,
Пока он был... Потом
Ушли к родне. В ночном селе
Стучались под окном.

Подолгу жить в тот год нельзя
Нам было у родни:
Прости нас, Поля! Но семья –
Своих не прокормить.

И мы идем по деревням,
Осыпанным листвой,
Все избы в них, как терема,
Наличники с резьбой.

Головок клевера нарву
С ватажкой ребят –
Ведь оказалось, что траву
Не топчут, а едят!

А надо думать о зиме.
У бабки нет и слез...
От худосочия к спине
Пристал фурункулез.

А я цыплячьим голоском:
Есть! Есть! – все обо одном...
И говорят мне "городской",

Насмешливо на "о".

– Небось конфеты только ел?
А ну-ка, покажись! –
Вздохали бабы – Ишь, пострел.
Спаси, Христос. Эх, жизнь!

А кое-кто и немцев ждал.
Наверное, в живых –
Кто "выковыренными" звал,
Когда мы ели жмых.

Внушала бабка на меже,
Крестясь на облака:
– Хоть ты и мальчик, но уже
Ты сын большевика...

Как пахнет ленинградский хлеб,
Я помнил всю войну!
И память носит этот креп
И плачет потому

Что будто выжжено огнем
В сознание у меня:
Мы с бабкой по миру идем,
По русским деревням.

Лестница

На этаже шестом,
 почти мансарде,
Где в низкое окно
 взлетают спины крыш,
Где город кажется
 не более чем карой,
Где дымом он пушист
 и ржавчиною рыж,
Где комнаты тесны,
 где праведная дикость,
Где сторожит уют
 высокопарный фикус,
Где вещи
 кажутся
 и немые и слепые,
Где сплетни,
 как вполне возможные
 клопы,
Где гнутый потолок,
 и жалкий и угрюмый,
Навис над стенами –
 нечесан и небрит,

Не замечая сводов.
 Стирая стены
 в каменную пыль.
 Ступени скользкие
 считая словно годы.
 Все выше...
 выше! –
 из последних сил!
 Площадка.
 Поворот.
 И снова,
 и мгновенно
 С приливом новых сил
 берем последний метр!
 Мы-молоды, –
 а это непременно
 Условие
 для жизни и побед!
 ...И для любви,
 и для нее,
 конечно.
 Над спящим городом,
 на лестничном окне
 Сижу с тобой...
 Вверху –
 простерлась вечность!..
 Внизу –
 повисли капельки огней...
 Бездомная
 Идиллия
 Романов.
 Я верю в чистоту
 самообманов.

Донья Лус⁶

Цикорий цвел – и цвет его был густ,
 Перебивал залива тусклый глянец,
 И треск цикад, и стрекозиный танец,
 И стайку птиц, раскачивающих куст...

"Как ты голубоглаза, донья Лус!.." –
 Сказал и вызвал у меня румянец...
 Была сиеста. Меркнул померанец.
 Мерцала тень – предвидимый искус.

6 Это и следующее стихотворения входят в сонетный "донжуановский цикл", над которым Александр Рытов работал в апреле-мае 1974 года. Семь сонетов из этого цикла были опубликованы в книге "Дневной свет" (прим. ред.).

И помню я, что не лишалась чувств,
А он не клялся, словно новобранец, –
Умел молчать, был истый златоуст.

Мой муж среди гостей – таких же пьяниц –
Спал гнусным сном... У каждого свой вкус,
Неправда ли, мой храбрый севильянец?

16.V.74 г.

Каэтана, танцовщица

И ты не видел пляски Каэтаны?
Не помнишь никаких ее примет, –
Как с плеч я отряхала лунный свет,
Пробившийся сквозь майские каштаны?..

Ты сам пылал: кадисские гитаны
Затапывали твой горящий след,
И руки их под ропот кастаньет
Взметались, словно белые фонтаны!..

Забыл?! Ты лжешь. Пусть черные сутаны
Пошлют тебя туда, где неба нет,
Где пахнут серой дымные султаны...

Родятся ведь такие шарлатаны!..
Как звать-то потаскуху, кот-поэт? –
Смотри, о с а т а н е е ш ь от сметаны.

8.V 1974 г.

Таити

Край запоздалого детства.
Розовое дыхание.
Стихи вырастают пальмами
И пальмы растут стихами.

Солнце бросает навзничь.
Солнце течет по жилам.
Песок ласкается к телу,
Прижимается с юным пылом.

На апельсиновой коже
Капли янтарного пота.
Губы твои – сонеты,
Плечи – пышная ода.

Серебряный след на лагуне
оставила узкая лодка.
Какой я еще ребенок, –

Зачем я напился водки?

Край запоздалого детства,
Затерянный в синем просторе:
Море поющих красок,
Звонящие краски моря.
1956 г.

Не судят победителей.
Ну что же,
Я побежден — и подлежу суду.
Суди! Казни — безжалостнее, строже! —
За то, что, к превеликому стыду,
Я выпустил тебя из рук, жар-птица,
Чтоб, собственную робость понося,
Кусая пальцы, над собой глумиться:
В руках была же! Близко-близко! Вся!

Я не сумел догнать тебя?
Я мог
Уйти тебе позволить?
Нет, не верю!

Вернулся, отомкнул тугой замок
И увидал: под приоткрытой дверью
Лежит полоска света золотая.
И я, наверное сойдя с ума,
Поверил, что жар-птица, улетаю,
Свое перо оставила.
Сама!

Мелодия

Я тебя уведу в удивительный сад,
Где высокие звезды висят,
Словно черные вишни блестят с вышины
На тяжелых ветвях тишины.

Я тебя поведу на далекий огонь,
Положи в мою руку ладонь.
И в руке, беззаветно протянутой мной, —
Не ладонь, а цветок ледяной.

Почему ты дрожишь? Ты не веришь в меня?
Ты, наверно, не видишь огня,
Что манит, непроглядную темь разметав,
Освещая дыхание трав...

Я тебя приведу в наш потерянный дом, –
Разве ты не тоскуешь о нем?
Разве может быть облаком легкий балкон,
Вознесенный четою колонн?

Неужели не чувствуешь песен моих
О своем, об ушедших родных,
О земле, что твоих прикоснулась колен
И зовет голосами сирен?..

Посмотри на меня, на ночного певца, –
Я ведь днем не имею лица,
И за первым гремучим рассветным ручьем
Не узнаешь меня нипочем.

Печёры

М. Дудину

Печорам не грозит прогресс, –
Пусть на себя прогресс пеняет,
Что тот же величавый крест
Поля бесплодно осеняет.

В недоуменье, морща бровь
На поспевающее жито,
Даешься диву: быль и новь –
Всё на живую нитку шито...

Быть может, вечный недород –
Замордовала непогода?
Не то заутро ждут поход,
Не то намедни из похода?..

Кривой сарайчик-"сувенир",
Ворон разметанные тучи
И древний, как Столбовский мир,
Забор, трясущийся в падучей...

Старо искусство бытия, –
Так отчего ж кипеть партеру?..
С портфелем движется скуфья
(Газеты освежают веру)...

Когда ж забьют колокола:
"Петр" с "Иоанном" и "Борисом", –
То вспыхнут синькой купола,
А солнце полоснет по ризам
Икон, цветам, – конец поста! –

По бабьи муча и лаская...

К чему монахам красота –
Такая, в сущности, мирская?..

Напрасно ржут грузовики,
На горках дыбятся рисково, –
Предпочитают мужики
Кобылку бурую до Пскова.
И строят... так себе – шуршат,
Степенны, что архиереи...

Прохладной праздности ушат
В тени торговой галереи...

Ты – остров мой!
Нет чувства в мире проще
И нет мудрей...
Лагуны глаз
Под пальмовою рощей
Твоих кудрей.

Ты – остров мой!
В какой бы дали ни был,
Я вижу их –
В прибое губ
Серебряные рыбы
Зубов твоих.

Ты – остров мой!
Все лучшее – осталось,
Все злое – прах.
Ты солнцем жадным
Пьешь в душе усталость,
Из сердца - страх.

Вы – не забвенье, Вы – не лотос
В его заученной красе.
Вы – северная Пенелопа, –
И Вас увидит Одиссей!

Лишь Мастер проникает в глубь,
А не его слепая тень,
И Вас напишет новый Врубель
И бросит в пенную сирень,

Колени Ваши прихотливо
Зароет в бархаты ночей...

Оберегайтесь же ревниво
От преходящих мелочей.

Октава

Давно во мне пылают, не сгорая,
Видения моих июльских лет:
Тот берег, как живой осколок рая,
Что назван ради шутки Новый Свет.
Подножья скал, волн златоперых стая
И смуглых сосен сдержанный привет,
И солнечный клинок тяжелый, красный
В паденье, беспощадный и безгласный...

Береста

Моя невеста и сестрица,
Посеребрённый колосок,
Молиться мне – не намолиться
На твой дареный образок.

Люблю тебя, как Византию,
Гоню к тебе свои ладьи
И новгородскую Софию
Беру в свидетели любви.

Горят гвоздочки непокая
Под молоточком золотым,
А сердце вербное такое
Пред воскресением святым.

Ты – города мои и веси,
Ты – мой весенний ясный лес, –
Благовести: Христос воскрес! –
Откликнусь: Истинно воскрес.

Над половодьем ликования,
Касаясь солнца головой,
Грядет...
– Продли мне волхованья
С моею светлой Волховой!

Ее бровей чуть дрогнут дуги,
Ее глаза – крещённый люд! –
В каком-то солнечном испуге,
Как колокольцы, запоют.

13 марта 1974 г.

На войне как на войне

В войну это было. Не вспомню числа.
Вдруг наша корова телка принесла.

Зимой. Отелилась. И делу конец.
Бычка окрестили. Назвали: "Боец".

Боец на руках принесен был в избу
Делить с нами стол и тепло, и судьбу.

Боялся Боец и услуг не ценил,
И часто от страха под ноги цедил.

И где только мог уместиться в нем страх? –
Глазищи да уши на тонких ногах.

Меня с ним сдружила беда-лебедя:
И он сирота был, и я сирота.

Законы войны и законы зимы...
Худела корова, худели и мы.

Как мне объяснили: всё меньше надой.
Спасибо Бойцу — он делился со мной...

Без валенок плохо. Кричи не кричи,
Пришлось часть войны просидеть на печи.

Под вечер в избе, словно в темном бору, –
Ты помнишь, Боец со звездой на лбу?..

А помнишь апрель, рыжий мой побратим?
Вот мы на пригорке с тобою стоим.

Вокруг еще снег. А пригорок шершав
И тёпел. И жухлые стебли шуршат.

И вербы желтеют. И солнце на миг
Похоже на влажный твой добрый язык.

Ты первой травы стал ощипывать куст,
А я только к лету узнал ее вкус...

Прости меня, клевер, крапива, прости! –
Я выжил, хотя и не смог уж расти.

Всё понял... Тогда же обидно до слез
Мне было, что друг мой меня перерос.

Потом я уехал, гонимый бедой.
Скучал я, дружище, Боец со звездой...

Надеюсь, что голову ты не сложил,
Победы дождался, до старости жил

И умер рогатым, семейным, седым...
А я всё живу и слыву молодым.

Давно позабыть бы, что был на войне,
Да красный теленок маячит во мне.

Старые дома

Мы все из тесных переулков
Непрогреваемого дна,
Где, как надгробья Петербурга,
Стоят доходные дома.

От крыш, впитавших день вчерашний,
До узких замковых дворов
Их облик старчески неряшлив,
А профиль замкнут и суров.

Но, как в спокойствии болотном,
В них лживо всё. Врываясь в сон,
Здесь трубы с резкостью голодной
Грызут гранитный горизонт.

И стены их не помнят песни –
И правда эта хуже лжи:
Их нелюдность – та же плесень,
Что разделяет этажи.

Но чем-то, чем-то вы уместны...
Не тем, что красит вас закат.
Ведь только вырвавшись из бездны,
Поймешь, что значит высота.

И это всё во мне смешалось
В одно. И в чувстве, как слога,
И отвращение, и жалость,
И нежность... сына и врага.

Перед рассветом. Река Великая

И плёс и полесье
Расплесканы вмиг –
Над Выбутской весью
Повис куроклик!
И зерню и сканью
Зовет косарей.

Плотва под кустами
Вскипает к заре,
Чуть окунь пробрезжит
Червленым пером –
И полнятся верши
Крутым серебром...

Врозь вербные ветки –
И в росный просвет
И рослый и крепкий
Березовый дед,
Бровищи купелью,
Репьи в бороде...

Звездинки – капелью
По дымной воде.
В верховьях и в устьях
Звенят берега:
На звончатых гусях
Играет река.
Мелеет глубь неба –
Ночь движется вспять.
Эк баско и лепо –
Умом не объять!

А бабе спросонок
Во мгле слюдяной
Приблизился сомом
Мужик водяной.
У ближнего вира,
Где бьют родники,
Торчат его вилы
И пишут круги...
– Вишь, бредит старуха! –
Дед правит рукой
Мохнатое ухо
С веселой серьгой.
Дед трогает бредень
На лапах коряг:
– Куриное время –
Ни свет, ни заря! –
К воде приобвык –
Поначалу носком,
И чешет язык
Камышовым баском:
– С острогой в и в сад
Да щуренка забить,
Сухого б сенца
Под порты не забыть.
Ваш след не остынет,
Не тронет упырь –
Будь вам берегини

Сторожей в пути!..

И тонко запели
Сопелки шагов
На мякоти прели
Под шорохи мхов.
Бузиновым логом
На хвойный прислон,
Косматому богу
Отвесив поклон,
На слово надеясь.
А впрямь – на ножи...

Мычит блудный месяц
На зорю. Блажит.
Да голос-то – ломок.
Да сам-то – болтун.
Как черный теленок
С ромашкой во рту.

Воспоминание о небывшем

Люблю. И снова чувствую себя
Открытым солнцу мальчиком Адамом,
Чуть голубым от утра, с гибким станом, –
У самого подножья бытия.

И словно из пустого забытья –
Цепь гор на горизонте первозданном,
Лиловый сад в цветенье филигранном,
Пчелиный хор и запах миндаля.

Но Ева... Где ты, девочка моя?..
И смутную неловкость не тая,
Оглядываю странную поляну...

Ну что там в горле?! И начало дня
Утрачивает ясность хрусталя..
И кровь во мне как будто ищет рану.

19.III.1974 г.

Тишина

Поэма

*Еще плодоносить способно чрево,
которое выращивает гадов.*

Бертольд Брехт

Следите: по Германии иду.
На пышные прирейнские равнины
Со мной смотрите, как простолюдины,
Не поддаваясь ложному стыду,
Как Петр смотрел на плечи курфюрстины...
Прекрасный край! Что может в нем беду
Пророчить нам?... Франкония в цвету?
Иль Гарца благородные седины?
Но здесь был центр кровавой паутины,
Здесь рейх возрос в коричневом чаду!
И хоть вокруг теперь его руины,
Смотрите мудро, зорко, как мужчины,
Без пропусков, имея все в виду,
Как Петр смотрел на курфюрста личины...

Вы спросите: "Ну, а при чем здесь Петр?"
А я скажу: "Я думаю о главном". –
"О главном? – переспросите. – Забавно!
А смотрите назад, а не вперед!"
А я скажу: "В истории не мертв

Никто, проживший славно иль бесславно,
Ничто не первородно и подавно:
Всегда в нас что-то бывшее живет,
И это "что-то" новому не равно...

И ново то, что, свой минуя брод,
Ты в старый не попал водоворот,
Что ты – второй, подумал не тщеславно,
Что понял: опыт давний не гнетет...
И в этом я по крайней мере тверд.

...Что? ...Гитлеры приходят и уходят,
Народ же остается? ...В этом роде?..
Быть может смысл есть в этом хороводе?
И стоит ли мешать им всем прийти,
Коль это соответствует природе?
Они – уйдут! Что ж – доброго пути?..
Но что тогда скажу я о народе,
Который так вот "пекся" о свободе?..
Что бедный он – и только?.. На груди
Змею пригреет раз до тридцати,
Привыкнет к ней, отдаст ей пост судьбы –
В конце концов и гады не без родин...

В семье всегда радеют об уроде,
Но кто ж его зовет главой семьи?!
Кто в прошлое глядит, всегда опасней
Фрондера-прожектера в отпуску...
Как, например, встарь избегали казни
И приобщались к жирному куску?..
Глядите в оба: нюрнбергский лабазник,
Трудолюбив и соразмерно скуп,

Он жил себе и жил под сенью свастик
И не впадал в смертельную тоску,
Он даже кое-что урвал из пасти
У новой – пусть и у фашистской! – власти,
Довольствуясь извилиной в мозгу.
Не только сыр (не каркай лишь, как в басне!) –
"Сообразил" существенней, колбасней,
В походах на Париж и на Москву!

А власть – как власть дорвавшихся до кассы,
А страсть как страсть – валютные запасы,
А снасть как снасть – кокарды и лампы,
А красть так красть! – готовь боеприпасы!
Вороний рай. Ораторские пассы.
И "Wacht am Rhein" – утеха для вдовиц.
Карай! На трупы спущены заказы,
Бей "умников" – разносчиков заразы,
Дорогу интуиции тупиц!
Льсти дурачью – произведи их в "массы"
(Тем паче, что и так не видно лиц),
Добавь, что эти "массы" – высшей расы,
Что негерманцы – в массе – свинопасы, –
И "Gott mit uns" до варварских столиц!

Я все к тому, что опыт мой умножен –
Мой каждый выдох и мой каждый вдох –
На фото анемичной Эльзы Кох,
На абажур из человечьей кожи,
На тихий Веймар, спавший у подножий
Печей, где я вполне растаять мог,
Что я теперь увидел и продрог:
В которой был мой родич уничтожен?
В чьи урожаи по-хозяйски вложен
Был пепел? В чей амбар, под чей замок
Ячмень был спрятан?.. Что? ...Пошло не впрок
Добро?.. Но ведь не нами жребий брошен!
Не оправданье это... Фюрер сдох?.. –
Так это он ботинки с наших ног
Сдирал? Один?!
Как мир и прост, и сложен! –
Доказано, что фюрер – психопат,
И вот итог: никто не виноват?!

Но как же мне теперь на все смотреть,
Когда я только что увидел смерть,
Когда мой голос криком истощен:
"Неужто каждый павший отомщен?"
А ненависть куда мне деть? –
В ней – право быть и сомневаться сметь!
Сломи хребет мне – я не укрощен,
Я не в кости, а в слове воплощен,
Моя душа сама – живая плоть!

Сожги меня – всему мне не сгореть:
В моих глазах, бессмертьем освещен,
Товарищ Тельман падает еще...
Так что запеть, коль ты родился петь,
Когда над Рейном снова чинят сеть?!
Не о себе я думаю – о сыне...
Пока не рожь дымится – гаолян,
Пока война в незнаемой пустыне,
Запомни: мы из ратаев-славян,
Из ратников – не плоше всех по силе.
Будь в гордости, как в щедрости упрямым,
Не дай глумиться всякой образине
Над тем, что мы верны своим корням!
Знай, предки наши русые носили
И лыковые лапти, и сафьян,
И в нас слились сословья всей России:
От крепостных – до столбовых дворян,
И нам близки Пракситель, и Россини,
И Брейгель, и Сикейрос, и Сарьян!

И Дрезден, и Флоренция, и Мерв
Нам дороги. И чуется каждый нерв
Прекрасное: и небоскреб, и саклю,
Ракетодром и дедовскую саблю,
И легкую египетскую цаплю,
И светлое цветенье волжских верб!..
Умей любить и океан, и каплю
Росы, в зените солнца алый герб.
Бери свое – тебе я ключ оставлю,
Хотя отец твой и не камергер,
К большому царскосельскому ансамблю.
Ты понял? Это нам писал Гомер,
И ритмы севилян и хабанер –
Все наше. Все!..
Пренебрегая далью,
Люби! Твою любовь я разделю.
Но помни крепко заповедь мою:
К фашисту, сын мой, будь неумолим,
Где б ни был он, судьбы не избегая,
Мы с матерью тебя благословим:
Твоя жестокость все равно другая...
В нем нет добра! Он – зло! Не иссякая,
Задушит все, что мы с тобой растим.
Дым бухенвальдов стелется за ним
И ест глаза, но целясь, не мигая!
Пусть падет он, желчью истекая, –
Здесь, на земле, нет места вам двоим!..
А в остальном будь скромным и терпимым,
Обычаи чужие постигая.
Гостеприимна, словно Навсикая,
Твоя душа да будет мальчик... Сын!

II

У этой тихой звездной полыньи
Я – настезь. Я раствóрен! Я распахнут!
И этот город создан для любви! –
Пошаришь в небе ласковой земли, –
И руки – руки яблоками пахнут!

Плывут холмы, как бурые бобры,
У Рейна цвет некошеной травы.

Холмы плывут, как должно плыть живым,
Бобровый гон холмов округлых, мягких,
Ни лунный свет, ни ртутный свет не звякнет,
А лишь стечет по плитам мостовым,
По выбитым дождями водостокам,
По тускло-красным листьям черепиц,
По черным листьям – лицам спящих птиц:
Бесшумно, целомудренно, полого...

Но яблоки... все падают. Все – вниз.
Расколются и истекают соком...

А город громоздится по ступеням:
Уходит в небо, словно насовсем.
Все шире мрак, все уже жерла стен.
Над стенами полнеба в черной пене
Ночных дубов. Созвездия вблизи.

На окнах опустились жалюзи...

Я выхожу из каменных кулис.
Напиток улиц сух и серебрист.
И кофе в толстых чашках подворотен.
Широкий воздух – яр и плодороден –
На целый сонм осенних кобылиц.
Мне этот город раздирает ноздри.
– Ты – весь во мне, и долго будешь после,
И легкие мне медленно спалишь,
В моей крови распластанная тишь,
Бродящие раздавленные грозди
Багрово-красных островерхих крыш
И фонарей ячменные колосья...

А тишина созрела для чудес,
Из парка восстает саксонский лес,
Поводит королевскими плечами,
Дубовыми ручищами в бока,
И, нос набив щепотью табака,
Чихает – пудра вихрем с парика...

Зарницы бьются синими мечами...

И город разверзается, как бездна,
Клокочущее клецками нутро,
Где варятся картофель и укроп,
Философы и алчущая бездарь,
И острый сыр, и бархатный гудрон,
Где все возможно, зримо, повторимо,
И ультрасовременно, и старинно –
Не вполуоборот, а только в фас.
Приличие уже не режет глаз
И нагота не прячется за шторы,
Святой Агнессе святость ни к чему,
И Черный рыцарь к балу своему
Подвязывает звездчатые шпоры.

Прими меня, ночное королевство!
Прими меня, подлунный вертоград,
Где борются ячмень и виноград
За старое бесовское наследство!
Да не иссякнут вечно их ряды.
Кровь пролилась, и кружки налиты.
Столы лоснятся... Я вернулся в детство.
Я – скромный гость. Я греюсь у плиты,
И нет во мне восторга раболепства,
Высокомерия и нищей суеты,
И злобы нет, и зависть неизвестна,
Я весь открыт и не ищу врага.
Мне эта ночь как память дорога.
Я весь открыт, и жадно и нелепо, –
Душа, к огню протянутая слепо,
Не требует чужого пирога:
Лишь пропитать лопоту ржаного хлеба
Хочу бараньим дымом очага...

Я весь открыт и пью одно лишь небо.

Вином и пивом пухнут облака!
Межа, бочонки, фляги – все седое
Под сводами седого кабака.
Дома-сыры, дома-окорока,
Труб вертела в текучей позолоте –
Дремучий пар при каждом повороте,
И глупый месяц в блеске колпака
Колбасно свеж и радостно съедобен.
Так отхлебни два первые глотка
Ячменной тьмы – тепла и холодка,
Чтоб слышать музыку – всей истонченной кожей!
Жующих ртов в растворах гулких лоджий,
Бутылей всхлипы, стоны половиц,
Рев грузных мяс в котлах животворящих,
И смех отрадней, в сердце нисходящий,
За смачным шлепом в бубен ягодиц.

Утроба города – горластая утроба!
Я продираюсь в зарослях укропа,
Зеленых перьях лука, чеснока,
Петрушки, сельдерея и моркови.
Я весь в стручках – в смятении покоя.
Что может быть хмельнее молока?!

Сознанием не умерить эту страсть...
(Лишь язве усмирить ее порывы!)
Вы слышите, как в Рейне пляшут рыбы,
Готовые на сковороды пасть?!
И как же их тела просторно-белы
И розовы в лимонах золотых!
Таинствен и прозрачен шепот их,
И позы их насмешливы и смелы.

В невинности зажаренный каплун
В прованском и в орехах – пуще ада.
Засоленное лето пышет мятой,
Колышется в рассолах, маринадах...
Бульоны и глазуньи – ярче лун.

А в соусах, в судках, дразнящих плоть,
И в помыслах, соизмеримых с ленью,
Все тыквы – как янтарные колени
Вирсавии... (Прости меня, Господь!)
Все запахи: гвоздики и корицы,
Коричневого хлеба и колбас,
И кровяных, и ливерных, и прочих,
И голубых сыров, пахучих, сочных
Томатов, перца черного – до спазм!
Пусть, пусть они струятся по лицу,
Доступные ослу и мудрецу,
Ведь это – мир, да, это мир струится,
Пусть этот мир вульгарен. – Не исчезни.
Останься, сделай милость. Будь всеобщ.
Мир-Ламме! – крепость чресл, желудка мощь
И глотки мощь для "мозеля" и песни!
Ты, говорят, немного толстобрюх,
И полагают, "не единым хлебом" –
Да, маслом и вином, и пряной репой,
Охряными округлостями брюкв,
Всем – пчелами, гудящим сизым летом,
Капустой в синих ласковых слезах,
Болотной клюквой – прямо на весах,
Сентябрьской дичью в буковых лесах
Жив человек, осознавая это.

...Читатель мой, бровей своих не хмурь,
В признании достоинств нет измены:
Германия – берлинская лазурь

И теплые коричневые стены.
Я в ней искал (и был неутомим)
Все, что могло бы стать мне дорогим,
И находил. И мог назвать своим...
Я в ней искал, что было дорогим,
До моего рождения – моим.
Не находил. Все было здесь другим.
И понял я – за множеством примет
Родства, – что в мире полных тождеств нет!..

...О суета застоля! Снедь чужая,
Что принял я, себя опережая,
Каких ни посмотрелся здесь химер:
Блестящий и острящий несессер
К перчаткам бесконечно подъезжает.
Бюстгальтеры с кальсонами на "ты"
(Уф! Леды с лебедями – срам и прелесть!)
В сиянье скользком полунаготы.
Халатики до пуговок разделись.
И брюки – на ногу нога – расселись,
И видно, что напились и наелись,
А "грации": "Воды, – кричат, – воды!"

Какая ночь! У сводни – кутерьма:
О, кофточки, сводящие с ума,
Дарящие так щедро забытье!
(Кто их осудит? – каждому свое...)

Шалют ковры – поскольку холосты:
Сигарный дым над ворсом не растает.
А шлепанцы – искристые коты –
Следят за тем, как бурно нарастает
Канкан чулок. Жуть! Бесится нейлон
Амурного тряпья. Каскад подушек,
Махровых полотенец. Вереск кружев
Горит на мягких складках панталон...
Портфели хрюкают, свиарники припомнив,
Как боровы, порядочно тупы.
Вот чемодан, мычащий, на дыбы
Поднялся – словно в травный сельский полдень.
Замочки клацают. Береты морщат лбы.
Читают шляпы вирши о любви.

Фламинго – зонтик розово приподнят!..

Сок апельсина светит в хрустале.
Поет хрусталь. Фаянсовые кружки –
Веселые баварские толстушки –
За ручки взявшись, пляшут на столе,
Как в старой доброй бургерской пивнушке.

Подмигивают кольца и колье

Под звуки дребезжащего клавира.
Кивает камень с мордочкой сатира,
Зовет во мглу, за шелкопад витрин...

Да сбудутся надежды ювелира,
Кондитера, квартала, макромира
Живородящих огненных перин!..

...Игрушки... Сколько грустных и смешных!
Их не было у сверстников моих...
В моей душе, одетая в базальт,
Недавняя поездка в Бухенвальд...
Там надпись – украшение ворот –
Я тщательно списал к себе в блокнот...
Бесстрастен был и черен смысл ее –
Он провожал к печам... в небытие.

Так я усвоил: "Каждому свое".

Ш

Вверх... вверх и вверх! Сквозь черные сады,
Среди стволов, по каменным ступеням.
Налево, у "Бригитты", чье-то пенье,
Направо – спят. Дремотное томленье.
Ограды: прутья хитро завиты,
За ними задыхаются цветы,
Ласкающее воздуха движенье,
Мурлыканье невидимой воды,
Шушуканье, шуршанье темноты,
И яблочное беспокойное паденье...

Но что же это: явь или виденье?

Калитку обнял дикий виноград –
Как только у него не хрустнут кости!
Что до меня им? Не заметят. В гости
Зайти бы. Вдруг. Что, ежели впопад?
А утром: ...белый чепчик... шоколад
На маленьком серебряном подносе...
– Сядь рядом, "шоколадница" моя.
Ведь ты – жена! Верни мне чувство дома!
Вчера на фоне светлого приема
Тебя узнал я. Где же сыновья?..
Как неуютно было мне без вас –
Я сам себе казался старомодным.
В своей одежде даже несвободным,
Без родины...

...И имя здесь твое пусть будет Irmchen
Для сути безразличны имена...
"Русь" – нежно, а суровой полотно,

Шершава, и сыра, и холодна...
Зачем цепляться за степные вихри?..
Вот: домик-пряник. До ближайшей кирхи
Лишь пять минут пройти, не торопясь...
Да так ли уж нерасторжима связь
Прошедшего с грядущим? – Голос тихий,
Как будто мой, но словно бы извне,
Настырно так подсказывает мне.

– Неужто вы, любезный Мефистофель?
Мефистофель: К услугам вашим! (Следует поклон.
Спортивен, строен – джинсы и бадлон.)
Я: Примите поздравления, барон,
Немного с опозданием... (Я прощен.)
С успехом в пангерманской катастрофе...
Был Гете вами ловко обольщен,
Вы обошли его со всех сторон;
Он думал, что уже наказан Фауст,
Низвергнутый однажды в серный хаос,
Где мукам адским нет конца, нет пауз,
Но в чем он был до смерти убежден –
До фарса ли! – что тот и в муках – Фауст!
А тот был превращен в... фаустпатрон.
Какая цепь, всесильный сатана,
От Фауста предательства до "ФАУ"
До вышек бухенвальдов и дахау
"Возвышен" дух... Да будет зачтена
Ему и оскверненная страна! –
Как Маргарита!..

(...Вновь: знакомый профиль...
Жена... Стоит, передник теребя,
В дверях за нею – головы ребят.
– Сегодня кофе. Ты ведь любишь кофе?
– Люблю. Люблю! Но более – тебя!..)

...Признайтесь; Игта –ваш иллюзион?..
Мефистофель: Вы догадались...
Я: Что ж, самозабвенно
Шутили вы над тем, что я влюблен.
Так мне платить, выходит, ту же цену
За эту ночь...
Мефистофель: Я вывел вас на сцену...
Я: Как Фаусту...
Мефистофель: Бессмертнейшая роль!
Я: ...За Маргариту?.. Лестная юдоль!
Смеетесь что ли?
(Не смеется он...)

.....
Ночь. Улица пустая. Тот же дом.
Волна деревьев сбрасывает пену
Мне под ноги – все то. Калитка та.

Все так же где-то булькает вода.
Дверь скрипнула. Свет вырвался за стену.
И женщина картаво: "Wer ist da?"

– Вы верите в меня? – вновь слышу голос.
Я: А вы еще, герр Мефистофель, тут?
Не знаю, впрочем, так ли вас зовут.
Но верю в вас. Не верить в вас – абсурд.
Есть грань всех благ земных – тончайший волос...
Те, кто его не видят, – предают...
Кричит "не верю!" тайный лизоблюд,
А сам уже косит на белый соус.
Он ваш должник! Вы копите иуд?...
Я верю в вас – к чему словесный блуд...
Я вам не доверяю – вот в чем фокус:
Ведь ложь сильна, и вы – не просто плут.
Мефистофель: Вам нравится здесь? Только откровенно.
Я: А вам – душа... моя? Вот симбиоз!..
Мефистофель: Вам трудно отвечать на мой вопрос?
Понятно. Но молчанье – тоже взнос.
Мы с вами созреваем для обмена!..
Я: Он был уже. И это я – всерьез.
Мефистофель: Позвольте?!
Я: Нет. Все ваши карты биты!
Я вижу, вы немного смущены?..
Бал удался... Фантом моей жены
Мне дорог был – и в этом нет вины...
Но кто сказал, что я – из вашей свиты?!
Все ваши яства мной пощажены.
Я – нюхал их. Они мне не нужны.
Вы – душу видели.
Теперь мы с вами... квиты.

Теперь позвольте мне представить счет!..
Я – человек. И только... Бедный черт!
Как вы старались, телепат несчастный,
Меня – ужели я такой неясный? –
Свернуть с пути!.. Неслыханный почет!..
Его не заслужил я. Труд ваш – праздный.

И все-таки я встрече очень рад,
Хотя тому причин немноговато.
Вы дали мне возможность, на мой взгляд,
Удачно процитировать Сократа.
Припомним вместе лысину его,
Афинский рынок... Всякая услада –
Всё, чем богата юная Эллада...
И вот – слова: "Как много здесь всего!
Всего, чего мне вовсе и не надо!"

Я помню... Не бравада, не кураж.
И тот, кто скажет вам, что это блажь,

Слепое тяготенье книжных полок, –
Солжет... Я помню: я – ровесник ваш.
Я – человек. Мой путь к рассвету долог...
Быть может, я поэтому вам дорог?
Вам не поможет этот вернисаж.

Вы – чародей. И то не болтовня,
Что вашим искушеньям нет предела –
Вам ничего не стоит

для меня

Представить совесть немкою дебелий...
Но и того, что сам увидел я,
Здесь раскопав фундамент бытия,
Вам никогда невидимым не сделать!
Со мной мои века – бородачи.
Пусть я иду, плутая и петляя, –
Все это наважденье! – Усыпляет
Орган огромный, ночь-собор, в ночи
Отворенная небу дверь резная
И города витраж... Но память знает:
Здесь выросли, здесь жили палачи!..

О, если бы я знал одну лишь память –
Свою, одно мучение – свое,
Сказал бы я: что было, то – вранье.
Прекрасна жизнь! Исчезло воронье:
Спалило очистительное пламя...
Незнающий, непомнящий – блажен!..
Во мне – весь мир, и я – настороже.

Да, я, как есть, – не чудо и не диво, –
Держу весь мир в душе, а не в горсти.
И слово "русский" пусть переводимо,
Но свойство "русский" не перевести,
Не унести в край "более счастливый".

Я памятьлив. Я очень много помню.
Свое и наше: где он, мой "удел"?
Моя земля во мне пустила корни,
Еще при Невском мой набат гудел...
Кто забывать, как мой народ, умел
И всем прощать? Теперь я переполнен
Тоской и гневом, гневом и тоской,
Я вижу сквозь напыщенный покой
Обухово-деревню, детство...

Детство!
Куда бы от тебя, хоть на день, деться?

Обухово-деревня... Нищета.
Прифронтовая зона. Сирота.
Вот осень сорок первого. Зима.

На площадях, туманом оглушенных:
Тук-тук... Шлеп-шлеп! – И шарканье, и всхлип –
Они идут...
(Не верьте праздным листьям,
Порывам ветра, судорожным, рысьим,
Речной струе под плавниками рыб!..)

Быть может, ими бредят города...
Быть может, ночь – несвязанная совесть,
Которая извечно молода?
И не во сне ли вскрикнул дальний поезд?
И не о них ли, тайно беспокоясь,
В спокойном Рейне вспыхнула вода
Зеленым всплеском в сиром предрассветье?

...Ботиночки, а где же наши дети?..

...И у витрин в безмолвии встают
На цыпочки и смотрят на медведей
Так, будто все тепло тысячелетий
За стеклами нашло себе приют!
И, что-то безнадежно вспоминая,
Нездешними зовут их именами...

И так же явны, как неона купол,
Как волосы капроновые кукол –
Как настоящие... Как маленькая их,
Тех кукол, настоящая посуда.
Кровати под перинками, простуда –
Как настоящая, совсем, как у живых!..
...Мое сознание ищет пятый угол
Среди ревущих вновь сороковых...

О, подлое всегда "не может быть"!

Где наши дети, бывшие живыми?
В каком лесу? В какой они пустыне?

.....

Я в прошлое гляжу не безучастно.
Его я ощущаю ежечасно!
Я осязаю: где-то здесь изъян
В гармонии, и весь ночной туман,
Одевший землю будто беспристрастно,
Не в силах скрыть ее открытых ран,
Где смерть самой себе воздвигла храм...
Да, готика и Гете – все прекрасно.
И до сих пор органно, мудро, властно
Мной правит Иоганн Себастиан...
Здесь темнота сближает даже стены...
Сады сверчат и млеют хризантемы –

Приемлю все – душа моя грешна!
Меня зовут незримые антенны
И ломкий свет сквозь переплеты рам.

Весь этот мир – в глазах, в ноздрях, в ушах...
Всё говорит: ушла война. Ушла!
И сладок сон от этого повтора...
Но будь моя бессонная душа
Громадней, выше Кельнского собора –
Ей не вместить, ей не простить позора
Германии! Во мне не заглушат
Ни светлый Гайдн, ни Шиллер, и ни Дюрер –
Бессильные уже не в первый раз –
Ребячий плач, пронзивший стены тюрем,
Которые плодил германский фюрер!..
И я спрошу у каждого из нас:

– Вы слышите, как дышит крематорий?
Вы слышите шаги? – П р о х о д и т г о р е.
Нет, н е проходит, а кружится тут!
Нет, это не движение минут,
Не сердца стук в полуночном миноре...
Подумайте, подумайте о воре!
Где наши дети? Вот они! Идут!

И что-то пробуждается во мне –
Чудовищно, безлико, глухо, злобно...

Не знаю я, чему Любовь подобна,
Но Ненависть подобна тишине!

Оглавление

Виктор Андреев. «У САМОГО ПОДНОЖЬЯ БЫТИЯ...».....

ТРОПЫ

Фундамент.....
Новый невиский мост.....
Квартал № 40.....
Крестовский остров.....
Мосты.....
«Дядя Петя, с утра унылый...».....
«Не ясно, по какой причине...».....
Ночь.....
Лоси.....
Карелия.....
Пловец.....
Зеленая месса.....
Перевал.....
«Солнце встает, как со взбитой постели...».....
«Ворваться в космос – неизбежность!..».....
Судак.....
Питьевой фонтанчик.....
Тукум.....
Где-то под Шяуляем.....
Валерик.....
Улица Шопена.....
Ночлег под Стрыем.....
Старик из Мукачева.....
Археологи.....
Сердоликовые бусы.....
Между собакой и волком.....
Французская живопись.....
Фламандская живопись.....

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

14 декабря 1825 года.....
На Дворцовом мосту.....
Аркадию Басаргину, комиссару.....
«Служу я небесному стягу...».....
«Кому-то восемнадцать лет...».....
«Во тьме мирозданья светлея...».....
Дух сирени.....
«Зачем у городов мужские имена?...».....
«Вы не остались только именем...».....
«Плоды, деревья, семена...».....
«Тем слаще мед...».....
Тигода.....
Заря.....
Белый олень.....
Осень.....
Море Инкери.....
Нида.....

Ярвеские дюны.....
Рыуге.....
Над Неманом.....
Южнее Алитуса.....
«Я знаю: не вернуться нам...».....
Рижская свадьба.....
«Прощай, Паланга!..».....
Ереванский полдень.....
Кармир-бур.....
Армянские мальчишки.....
Раздан.....
Дочь Чаренца.....
Едем в Гарни.....
Проникновение в молчание.....
Зангезур. Пейзаж с орлом.....
Ширван.....
«В горах, в палатке на ветру...».....
Ингури.....
Девочка из Наки.....
Охотник и Дали.....
«Мы поплывем, как аргонавты...».....
Коктебель.....
Бахчисарай.....
Солнце.....
Земля и ливень.....

ДНЕВНОЙ СВЕТ

Родина.....
Вырубка.....
«Покинуть Землю – неизбежность...».....
Пан. *Поэма*.....
Порог.....
Тень.....
«О, сколько делаем мы зла...».....
Памяти Артура Рембо.....
Настроение в стиле Коро.....
Венецианская школа.....
«Я улываю по течению...».....
Венок сонетов.....
«В час закатный, суеверный...».....
«Как незаметно день проходит...».....
Дон Жуан.....
Донья Анна.....
Лепорелло.....
Дон Ильдефонсо, иезуит.....
Дон Диего, живописец.....
Дон Фернандо, профессор из Саламанки.....
Сын Дон Жуана.....

ГОСТЕПРИИМСТВО

Вместо эпитафии.....

«Небо в глубоких колодцах...».....
«На языке сравнение вертится...».....
«Из сказки, изящной для взрослых...».....
«Не обижайтесь, милая и грустная...».....
«Природа не боится повторений...».....
«Когда Вы первый раз войдете в море...»....
«Зову я родиной своей...».....
«Желая, надеясь и смея...».....
«На желтом берегу...».....
Фантазия.....
Письмо в Сан-Франциско.....
Проект.....
Рождение поэмы.....
Старый Крым.....
Полдень.....
Ночи без сна.....
Новгород.....
«Нет экзотики в русской поэзии...».....
На рождение человека.....
Приозерское лето.....
Апрельская песня.....
Алупка-Сара.....
Желание.....
Евгению Евтушенко.....
«Думали мало мы...».....
Домой.....
Дворы.....
12 октября 1964 года.....
Гродненские гусары.....
Гостеприимство.....
Год рождения.....
Мцхета.....
Капитан.....
Воспоминания о Коктебеле. Дорога.....
«В Карелии озерной, мелколиственной...»..
«В больничной ограниченной тиши...»....
«Бесчисленными синими глазами...».....
Белая Индия.....
Береговский чардаш.....
«Есть какая-то мудрость в костре догорающем...»...
«Мне солнце не светило праздное...».....
«Мы встретились...».....
«Февраль. Вечернее халдейство...».....
«Март, молодой и светлолицый...».....
«Вот луг и лес, и рожь за лесом...».....
Бабье лето.....
Легенда обо мне.....
К портрету камеристки инфанты Изабеллы.....
Французская живопись. Перед картиной Поля Гогена «А ты ревнуешь?».....
Базар.....
«Вдруг однажды себя от судьбы оторвав...»..
Феодосия.....

Пробуждение.....
«Когда на крышах высыхает свет...».....
«В нашем полюшке потрава...».....
Палестинская баллада.....
Пиренейская баллада.....
Пес-собака.....
Весна.....
Весна в городе.....
Ветер.....
Кикеринская осень.....
«Темнота обнажала мысли...».....
Ленинград осенний.....
«Маленькой, решительной и строгой...».....
Мартин Иден.....
Микельанджело Летнего сада.....
«Мне показалось ненадолго...».....
Мой привет Парижу.....
Моя Марсельеза.....
«Мы долго по селам венгерским ходили...»..
Памяти детства.....
Лестница.....
Донья Лус.....
Каэтана, танцовщица.....
Таити.....
«Не судят победителей...».....
Мелодия.....
Печоры.....
«Ты – остров мой!...».....
«Вы – не забвенье, Вы – не лотос...».....
Октава.....
Береста.....
На войне как на войне.....
Старые дома.....
Перед рассветом. Река Великая.....
Воспоминание о небывшем.....
Тишина. *Поэма*.....

Александр Рытов